

декабрь 8.91

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

8.91

Стихи Дмитрия Бобышева

В. Крейд

«Марина Цветаева и
„Современные записки“»

Как погибла армия Юденича

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

Общественно-политическое, литературно-художественное издание

8

91

В НОМЕРЕ:

Дмитрий Бобышев	Стихи	5
Радий Погодин	Стеклянные часы. <i>Импровизация</i>	19
Станислав Родионов	Крик ежа. <i>Повесть (Продолжение, начало в № 1—7)</i>	39
Вадим Крейд	Марина Цветаева и «Современные записки»	59
Г. И. Гроссен	Агония Северо-Западной армии. <i>Из тяжелых воспоминаний</i>	69
XVIII Международный конгресс византинистов	<i>О работе конгресса рассказывают А. И. КОМЕЧ, Г. Ю. ИВАКИН, В. А. ХАРЛАМОВ, О. М. ИОАННИСЯН</i>	86

Главный редактор
Елена КОЛОЯРОВА

Ответственный секретарь
Ольга МАЛЫШКИНА

Художественный редактор
Владимир НОЗДРИН

Технический редактор
Валентина БЕЛОВА

Корректор
Татьяна ЛЬВОВА

Адрес редакции: 193015, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, а/я 119
Телефоны: 278-14-55, 278-13-76, 273-21-72

«Новый журнал» можно приобрести в Алма-Ате, Брянске, Караганде, Новгороде, Петрозаводске, Санкт-Петербурге, Твери.
Журнал распространяется также Аэрофлотом и Министерством путей сообщения СССР.

УЧРЕДИТЕЛИ ИЗДАНИЯ «НОВЫЙ ЖУРНАЛ»: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ, СОВЕТСКИЙ ФОНД МИЛОСЕРДИЯ И ЗДОРОВЬЯ, УПРАВЛЕНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ СССР.

За достоверность фактов несут ответственность авторы подписанных статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

При перепечатке ссылка на «Новый журнал» обязательна

Сдано в набор 25.09.91. Подписано к печати 28.12.91. Формат 84×108¹/₃₂. Печать высокая. Бумага газетная. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 5,46. Уч.-изд. л. 6,77. Тираж 40 000 экз. Заказ № 900. Цена 1 руб.

Типография им. Володарского Лениздата, 191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.

Бобышев Дмитрий Васильевич, поэт (11.04.1936 г., Мариуполь). Бобышев вырос в Ленинграде. В 1959 г. Бобышев окончил Технологический институт с дипломом инженера и работал по специальности. С конца 60-х семь лет работал редактором в учебной редакции Ленинградского телевидения.

Первые стихи Бобышев пишет в середине 50-х годов, первая публикация состоялась в самиздатовском журнале «Синтаксис» в 1959 г.

В конце 60-х несколько стихотворений Бобышева были опубликованы в советской периодике, с 70-х годов стихи Бобышева печатаются только на Западе. Некоторые состояния, пережитые им как трансцендентные, приводят Бобышева в 1972 г. к русскому православию. В конце 1979 г. в Париже вышла его первая книга стихов «Зияния». В настоящее время Бобышев преподает русскую литературу в Иллинойском университете, совмещая это с литературной и научной деятельностью.

Профессор Вольфганг Казак, Кельн, 1988 г.

Стихи его сразу стали любимы всеми, кому дорога поэзия, одновременно метафорическая и богатая смыслом. Интонация его поэтической речи была необычна. В стихах Бобышева речь идет о его духовных переживаниях, о его духовном опыте. Это поэзия философского поиска — поиска смысла и красоты.

Драматург А. Володин, Санкт-Петербург, 1991 г.

Особенно приятно поразило меня в стихах Бобышева его чутье русского языка, его отношение к слову не только как к кирпичику для построения стиха, но как к категории, имеющей самостоятельную ценность. Бобышев чувствует вкус и вес слова — качество, необходимое для поэта, не столь уж часто встречающееся.

Стихи его стали сильнее, убедительнее, творческая индивидуальность выявилась отчетливее. Наступила творческая зрелость... Творческие поиски поэта — продолжаются. Он не стоит на месте.

Поэт В. Шефнер, Санкт-Петербург, 1991 г.

Бобышев из той плеяды петербургских поэтов, появившейся в конце 50-х годов и состоящей из Бродского, Наймана, Рейна и, может быть, менее известных Еремина, Виноградова. И, по-моему, после всех тревожностей и катаклизмов их поэзия остается лучшей поэзией России. В поэзии были взлеты, были свои герои... Но этот фонд представляет собой самую высокую, самую лучшую, выдержавшую все времена поэзию.

Писатель В. Попов, Санкт-Петербург, 1991 г.

Это уникальное событие, что меня, эмигрантского литератора, пригласили читать курс лекций по эмигрантской литературе сразу в двух университетах Санкт-Петербурга.

Еще я здесь по приглашению организаторов Конгресса соотечественников. Но, просмотрев их программу, я понял, что это — валютное развлекательное мероприятие.

Главными делами у меня все-таки остаются литературные. У меня много радостных событий: новые контакты, новые предложения, новые публикации, которые идут одна за другой в крупнейших журналах «Звезде», «Знамени».

Есть надежда, что здесь выйдет книга самых главных моих стихов «Русские терцины» и «Стихи об Америке».

Дмитрий Бобышев

ЗВЕЗДЫ И ПОЛОСЫ

Посвящаются О. С.-Б.

1. ПОЛОСА ОЗЕРНАЯ

От массивного синего
до совсем невесомого серого —
все тона водяной окоем
затопил переливную зеленью селезня.

Полоснул серебром через весь
пересвет с полуночи до севера,
с краю искру нанес,
распустил паруса посреди
неохватного зеркала-сверкала...
Средиземно раскинулся —
на океан —

Мичиган.

А бывает и розово озеро.

2. ТОТ СВЕТ...

...куда пути непоправимы.

Где то звезда, то снова полоса.
Грядущего нарядные руины,
лириодендроны, бурундуки, равнины...

И — галактические небеса.

И — механические херувимы.

И — ты. По вавилонам барахла,
живой, идешь, хотя отпет и пропит,
свой поминальный хлеб распопола —,
где палестинам снеди несть числа...
Делясь, ты половишишь вкус и опыт
по зарослям дерев Добра и Зла.

Да, ты — туда ж — с утопией великой,
с ужасною, как тот кровавый хлеб,
духовностью! Ты встречен будешь в пику
улыбкою тончайшей, поелику
здесь души не давались на зацеп
десятка двух «единственных религий».

И — каждая — для них за то не та,
что к счастью стыдному отнюдь не доступ.
(Единственность — язвима пята.)
Тоталитарна только пестрота,
и абсолютны сдобные удобства,—
в них даже грязь охранна и чиста.

Учись на всем.
И слушай содроганья
(бутылочная сыплется гора)
и рев зеленоводного органа.
По небу письма над Ниагарой
цветут, опять УДОБСТВА предлагая...
Горит закат огромно и угарно.
Горячих красок хладная игра.
Тот свет. И мы живые, дорогая.

3. ЗВЕЗДА

Какая яркая — огня и льда слиянья,
и — силится внушить пульсирующий знак!
Я мог его понять, но только сам сияя,
сияя,— что давно и далеко не так.
А виделось: горит в селеньях занебесных
оконная свеча в покое, где ночлег.
Последний перегон, и мысль истаёт в безднах...
И все же не совсем,— так верит человек.
Но ежели вблизи мерцания и света
на месте мировом откроется дыра
и слижет огонек,— примите весть, что это
кому-то на покой в той горнице пора.
Какая яркая, какая ледяная
и вечная... Хотя — вся вечность: до зари.
Мгновения мои в себе соединяя,
вот — и сорвется луч. Я говорю: — Гори!

4. БОЛЬШОЕ ЯБЛОКО

«Из ядущего вышло ядомое,
и из сильного вышло сладкое».
Кн. Судей 14-14

Американцы прозвали Нью-Йорк
Большим Яблоком.

Рабство отхаркав, ору:
— Здравствуй, Манхаттн!
Дрын колченный, внушительный батяка-Мохнатый,
принимай ко двору.
(Реет с нахрапом

яркий матрас на юру:
ночью — звезд, и румяных полос ввечеру
он от пуза нахапал.)

Крепкий подножный утес
выпер наружу.
Нерушимую стать мускулисто напряжив,
будь на месте, как врос,
каменный друже.
Твой чернореберный торс
встал на мусоре Мира в нешуточный рост.
То-то вымахал дюже.

Стоит, наверно, утрат:
Родины, дома,—
на громады великого града Содома
этот вид, этот взгляд.
Мозгоподобно
кодами окна горят.
Подсмотревшего тайну снедают подряд:
робость, похоть, стыдоба...

(Словно смакуешь во сне
свинскую сладость.
Да, порочен и слаб, и с собою не сладил,—
спелся только сильнее.)
Слабый-неслабый,
а за себя не красней.
«Ты есть ты»,— прямо с неба абзацам огней
вторят быстрые слайды.

Сожран, а все же не мертв.
Жив, и немало...
А ядуший да будет ядом до отвала!
Тот, кто примет,— поймет:
враз разорвало
льва-монолита вразмет.
Вижу — рой в этом трупe, и соты, и мед.
Сладким сильное стало.

В старые мехи вобрызнь
сочное соло;
залезай-ка туда же с возней поросевой,—
в жадно-свежую грызнь.
Будь новоселом
и зарифмуй с парой джинс:

— Жри-ка яблоко по черенок, это — жизнь,
червячок ты веселый!

5. ИНДЕЙСКОЕ МОРЕ

Хорошая земля. И навсегда — чужая.
Хорошая вода: огромная, у ног.
Укоренить бы в ней, деревьям подражая,
широкошумных дней хотя бы черенок.

А для того — унять внезапное мгновенье:
в нем настоящее. Былого ты лишен.
Ни страхом и ни чем привычным не навеян,
лишь валится в Ничто пустопорожний сон.

Я точно говорю:

— Мы — то, что наша память.

И если от «сейчас» отсечено «вчера»,
во лбу меж половин врубается тупая
не боль, наоборот, — морозцем топора.

И знаю: новизна всегда дориносима,
но дерево символом при этом пало ниц.
И — нет внутри стволов: дриад, — лишь древесина;
не лиры на ветвях, — от силы: гнезда птиц.

Зато в какой чести вчерашние закаты!
Заметы памяти, захлебы напролет:
— А помнишь год назад, такого-то, тогда-то, —
в серебряной воде зеленоватый лед?

И если б удалось по срезу — сразу, сходу
болезненно пустить прозрачный корешок
в стакане озера, в пузырчатую воду!
Тогда: и на земле, и в землю — хорошо.

6. У ПОЖИРАТЕЛЕЙ ЛОТОСА

Пясть Америки,
крепость ее костяка:
воронные утесы Нью-Йорка,
Серые грани Нью-Джерси,
Пенсильвэнии желтые груды,
мраморы в падах Вермонта,
Массачузетса бурый гранит.

Десть открыта для дела,
а сердцу врасплох
как не екнуть,

Представляя кулак
и массивную биту:
удар! —
и Урал
перебит.

Нет, совсем не затем! —
где конечные вмятины
и отпечатки —

Хватя! — за край континента
скалистая левая
противоперсть;

Шуйца в рыжей
бейсбольной
перчатке

Крепит вместе,
Сжимая надежно, борта,
со десницею,
равнодержавная,
— есть!

Обе лани воздели
материковый котел;

в нем живая земля шевелится:

Кувыркаются куры в обертках,
лотосы,
пучится кукуруза.

Плавно варится взвесь,—

Деньги вскипают листвою,
и сплавляются лица

В пестрое сверх-лицо,
в надглагольную весть,

Изъяснимую

на подводном наречьи,
столь же скользко-ледовом,
сколь подвижном, как видишь...

Так смешно говорить,
но тонически спойте, языки,
ваш новый язык.

Хорошо, что не Бритиш:

Тот всегда
с недовольным подсосом,
с обиженным даже сюсюком,
в котором обмяк и обвык...

Но иначе рекут

все, вкусившие лотоса
тайно-сытную сладость:

В круговую поруку вступая,
расстаются как с памятью,
так и с тоской.

Наслоенья обид
под наплывом труда
и комфорта,
изглядясь,

Вместе с опытом страха
слезают с хребта,
словно толстая корь.

Вот и черпай от пуза
и ты, лотофаг,
этот кладезь

Жизни,
просто жизни
спокойно-хорошей,
людской.

7. ЛЕСНАЯ ПОЛУ-ПОЛОСА

Надо же, есть же такие места,
где и животным живется спроста.

Белочке — рай, коль не схватит енот:
с груш и орехов довольно щедрот.

Птичий почти: полу-свист, полу-шелк
выпустив, спрятался бурундучок.

Сколько ж тут, сладких для лис, барышей:
скользких лягушек и вкусных мышей!

Знаю: запасец, запряганный впрок,
есть у особенных синих сорок.

Что же до нас, что тут бродят вдвоем,—
как-нибудь эдак и мы проживем.

8. ПОЛНОТА ВСЕГО

Вечерние чужие города,
сравнимые с пульсирующим мозгом,
который вскрыт без боли и стыда,
(а кровь размыта в зареве заморском),—
внушают глазу выморгнуть туда,

в горячий мрак вглядевшуюся душу.
А та и рада сгинуть в новизне,
сбежать во тьму, себя саму задувши,
повыплести всю внутреннюю — вне,
по завиткам и выгибам воздушным.

А если и светить, то лишь едва,—
летучей, эфемерной порошиной.
И — числить этажи, сиречь — слова,
не «богом из машины», а машиной,
сказуемой из глотки божества,

где, знаками осмысленно блистая
(сим электронным мега-языком),
горит надчеловеческая тайна,

с которой ты дикарски незнаком,
но силишься вписаться в начертанья.

И странно — чем вольнее мысль о ней,
чем больше от нее отнумерован,
тем сущность домышляется полней —
и кем? — тобою, трепетным нейроном
с обрубленной мутовкою корней.

Здесь мига не отложено до завтра...
От первых нужд, чем живо существо,
до жгучего порока и азарта,—
КРОМЕШНАЯ ПРИЕМЛЕМОСТЬ ВСЕГО
из черепа торчит у Градозавра.

Буквально самого себя прияв,
каков ты есть, ты по такой идее
неслыханно, неоспоримо прав,
из низких и нежнейших наслаждений
наслаивая опыт или сплав.

Вот потому-то, жизнью в усмерть пьяный,
в разгаре неувиденного дня
прошу: да не оплакивайте в яме
Мафусаила юного, меня,
исполненного звуками и днями.

9. МИЛЫЕ ОКИ

Нечто большое держать надо мужу под боком:
бабу, добычу, судьбу...
Брег океанский попать
 либо гору снести на горбу!
Иль по Великим Озерам подплыть к Милуокам.

Тут и у ока — для колбочек донных — улов:
черные дыры в лазури...
К ним, леденцовые, льстятся
 зеленые волны-лизуньи;
лед на просвет полурозов и полулилов.

Кто паруса расписал — свинари ли, свинарки?
(визг поросячий для глаз),—
краской свирепой и флажной,
 для влажной прохлады как раз:
синий со звездами грот, полосатый спинакер.

Да не осудят регату Дюфи и Вламинк!
У цветowych какофоний,
у белосытых берез

и ковровых газонов на фоне:
торты азалий и клювы магнолий-фламинг.

Да, ничего Мичиган, моложавое море,
давняя встреча вождей —
тоже, впрочем, пернатых...

Здесь даже размеры стрижей
вшестеро пуще. И все тут в ажуре, в мажоре.

Есть и куда заглядеться — в каурый накал,
в истинно Милые Оки,
чуть виноватые — мол,
далеко мы, но не одиноки...
Я их неблизко, зато как надежно сыскал!

10. ПОЛОСА ПУСТАЯ

А бывает и озера — нет.
Ни воды — ничего.
Кромка берега — край ойкумены.
Ни-ко-го.
Лишь по важенке стонет ревун одиноко.

Отнюдь не маяк — гамаюн
Сухогрузку зовет, изнывая...
И — ни красок, ни слов.
Тени — в нетях. А небо? И — дно? —
Не видны.

Только стонет ревун.
Никуда ниоткуда не деться.
А индейское море ушло.
Ныне — там, где пернато-разлапые,
с томагавками, души.

Тянет ноту ревун,
алконост ластоногий, несносно.

Где мы, что мы?
Да что там,
куда там —
туман.

Нью-Йорк — Милуоки,
1980—83

ЯШИНА ВЕРЕВОЧКА

Мерзо-сытая, американская,
скользящая без мыла, мразь,
все же захлестнула, не соскальзывая,
выдержала, не оборвалась,

напряглась, тошнотная, брезготная,
врезалась удавкой на затылок
в душу, занемогшую невзгодами,
теплую... И ни за что, за так —

все дары-сокровища... А прежде ведь,
шлаками житейскими дыша,
как она умела обезвреживать
яды, добролепая душа!

Видно, приземляясь, преждевременно
ликовала в новизне свобод...
Вот и — разрывное повреждение:
с ларами разлука — не Исход.

И такое хлынуло в пробоину
темное, что (знаю эту боль),
захлебнувшись мраками и болями,
кукарекнул разум, дал отбой.

Выскочил в какой-то юмор висельный
и, уже святым не дорожа,
всем язык в самоглумленьи высунул
точно сквозь окошко гаража.

Поделюсь землю уворованной
(для себя в таможах проносил).
Только глистоватую веревочку
вытошнить из памяти — нет сил.

Хьюстон — Милуоки,
13 мая 1984

АНГЕЛЫ И СИЛЫ

1. ТИХАЯ МОЛИТВА

Ангелё Божий, Хранителю мой,
братик небесный в нелюбе земной!

Наших нежнейше-неслышных бесед
на языках человеческих нет.

Слух ни глагола не выловит. Лишь
духу звучит эта теплая тишь.

Что это: зов? Или весть? Или знак?
Что-то... А сердце оттукнется: — Так!

Братик! Самой неразрывью своей
что-нибудь сделай и мраки отвей.

Вот я, и вот они все потроха
Божьего грешника и батрака.

Что я могу? Только душу — по шву...
Как получился, таким и живу:

крепкий, работал, и, слабый, грешил,
разве что дар не менял на гроши.

Выпрями, если можешь, состав.
И в обстоянии не оставь.

2. ЕВАНГЕЛИСТ ИОАНН

Это Слово снесла орлица
в руки апостола Иоанна,—
а как бы еще ему окрылиться
истово и благовествованно?

Порхнуло, прошелестело по свету;
шепотом даже лучше слышно:
а что, ежели любовь — это
изумление красотой ближних?

Выплывание образа: либо Мариина,
либо лика Учителя — в них,
не оставленных без руля и мерила...
Клекотно говорит ученик.

3. АРХАНГЕЛ ГАВРИИЛ

Бог победит (в тебе!) —
 глаголет Гавриил —
(или — тебя?). Он сам: пред — это слово.
Он весь — и весть, и суть. И узел сил
узилища телесного, земного.

Начало дел. Зародыш речевой,
летающий титлом
 лечь на чистую страницу.
Из дуновенья дня, из ничего,
глядишь, и Слово само-сотворится.

До ветхости мир исписался весь.
Пора не спать, пророки были правы,
но действовать, спасти,
 отдав себя на месть
само-губителей, спасателей Варраввы.

И вывращевать время, чтобы где ж? —
здесь, на земле, в любые дни и лета
впорхнуть победой Божией в допрежь
тетрадь нетронутую
 Нового Завета.

4. ИЛЬЯ ПРОРОК

Львиные грозы...
О, Илие!
О, пророче, мы с небом — не розны.
Всё ли мы на земле?

Или, гулко гуляя:
— Купол,— позвал,— громозди
для храмного Рая.
Раструб звуку пророй из груди!

Небо выстрой
и Новое Небо скажи:
громобыстры-
е ярусы ярой радости и этажи

гордых облак.
О, Илие!
Труд небесный — творительный отдых
для работ на земле.

Но вземлю
тягло любого труда!

Вдышана в меня душа на всю жизнь,
да, но не больше,
ГОСПОДИ ИИСУСЕ ХРИСТЕ,
СЫНЕ БОЖИЙ.

Эту смесь как разделишь:
меня и со мной же —
горчично и гречнево?
ГОСПОДИ ИИСУСЕ ХРИСТЕ,
СЫНЕ БОЖИЙ,
ПОМИЛУЙ МЯ, ГРЕШНОГО!

7. СОШЕСТВИЕ ВО АД

Мир — это весть. Но весь
иссяк и вытек смысл из буков тоших...
Путь — луза мрачная — куда? Невесть.
А истина — в кровавых многоточьях.

И не сложилась жизнь.

Ее Хозяин и источник
громодно выдохнул себя чрез толщи —
заматерелые — материальной лжи.

И тут — расселся грунт.
Ткань лопнула, натянута на тябла
в соседней храмине, враспах и вдруг.
Ткни, и — насквозь: так вещество ослабло.

Когда изъята ось,
какая верть и твердь — не дрябла?

Обручено безлюбо, безобрядно,
пространство с временем в три дневи разошлось.

И рухнул Бог и Дух.

Лишь крохотный, лишь болевой росточек
под плащаницею на Сердце вспух...
Так началась работа этой ночи:

сошествие во Ад.

В ту пазуху (быть может: точку),
где вход в Ничто, что болью был проточен,
и ужасом заляпан и объят.

Туда, в голодный нуль,
в заглот, за житом бывше-человечьим —

нас, гиблых, ради — Он Себя вомкнул,
а нам утраты и оплакать нечем:

всерьез бесслезносерд
весь этот свет. А тот — сердечен?

— Удавкою времян обесконечен,
в мешке пространства коротает смерть.

Да как же смерть — терпеть?!

Всей верой, всем соборно-главым телом
в Страстную эту Пятницу, теперь
вцепиться в Бога — вот что можно сделать!

С колоколами — в сплав!

Мы — храмовый народ, ему подмога,—
из наших пульсов, пущенных стремглав,
из кровавых телец восклеим Бога.

Исчезнем вольно в Нем.
Рискнем ничем — воздастся много...
Ведь Он и мертвый: весь о нас тревога;
в трудах о нас и в смерти он живьем.

Ужо — узнаем там,
в том свинском тупике, мясном забое,
где дальше мрет всечеловечий хлам,
где стон и визг, и скрежеты зубовны,—

что мирозданья срам —
весь — упразднен и обезболен,
благоразумный вознесен разбойник
с Христом — туда — в Пасхальный Первохрам...

— И ты — домой, Адам!

СТЕКЛЯННЫЕ ЧАСЫ

ИМПРОВИЗАЦИЯ

Будущее открылено тайной. Тайной открылено и прошлое. И каким-то образом они связаны. Чем дальше в прошлое мы углубляемся разумом, тем с более отдаленным будущим соприкасаемся душой.

Христос говорит: живите как дети. Возможно, он имеет в виду неустанное незлобливое любопытство, одушевление времени и расширение нашего творящего «Я» на весь универсум.

Нужно чувствовать себя как ребенок в пустой квартире и оживлять все таинственное, как ребенок оживляет скрип разошедшегося шкафа, звук капель, падающих из крана. Одушевленная тайна манит нас цельно и сильно, как любовь — познание происходит не в некоей плоскости, а в некоем живом пространстве.

Хорошо, когда в культуре народа имеются и мистика, и абсурд, и, как условие здоровья, — миф.

Миф вечен, но чувство у меня такое, что в глубине его структуры запряты стеклянные часы. Они идут. И тикают неслышно. Они очень хрупки.

Оставалось полгода до начала войны.

Мой друг Степа, полагая архитектуру самым мощным воспитателем масс, целиком ушел в рисование. Я крутил сальто, сляясь запрыгнуть в пятерку лучших гимнастов города. Люстра перешел от возвышенных размышлений о первобоге к народному мифу. На вопрос, что это такое, отвечал:

— Сам не знаю. Но я прав. Уже древние поникли, почувствовали, что им не охватить величие Ра, его вселенскую духовную реальность — он же стал неким безумным мифом, творящим слово. Он над, возвысился над логосом. Он мог испепелить разум, им созданный. И как тут быть? Люди принялись спасаться кто как может, взялись лепить тысячу солнц: для урожая, для постели, для войны, для веселья. Люди творили маленьких богов, расчлняя великого. Но маленькие боги переселялись в Ра. И призывали людей жить в Ра: одни — в Нирвану, другие — в Рай. Христиане, например, попадают в Ра через Христа... Но ты не думай, не напрягай башку. Еще свихнешься. У физкультурников головы нет, у них башка-шея. То есть глаза и рот прямо на шею.

Чтобы не отстать от друзей в мозговом отношении, я упражнял свой разум посредством очень умных книг. Далее десятой страницы не пробивался, но, удивительное дело, в тех умных книгах именно на первых десяти страницах были изложены в компактном сжатом виде главные мысли и положения: дальше, как я понимал, шли более или менее остроумные доказательства.

Со временем я позабыл о Люстре, и о Ра, и о прочем... И однажды, недавно уже, написал рассказ под названием «Шмель», героем которого был некто фанатичный человек. В фанатизме сжигал он свою странную жизнь, бессмысленную идеями Госплана.

Зовут моего героя Леонтий, и вспоминаю я о нем сейчас лишь потому, что фанатизм его основан на предмете, необходимом мне для этого рассказа.

Он любит сидеть по-турецки на чем-нибудь мягком, например на диване.

— Ты знаешь, откуда взялись славяне? — он спрашивает.

— В такой же степени, как и ты.

— Нет, дорогой мой, ты целыми днями думаешь о маркизете, а я тружусь.

Леонтий, о чем бы он ни говорил, сворачивает на славян. Зацикленный.

— Ты, — говорит он мне, — утратил ощущение народности. Ты считаешь себя зерном новой эры. Нет истории старой и новой, она одна — едина. Мы попались на дохлого червяка...

Леонтий самонадеян. Любит мягкий хлеб и твердые яблоки. В разговоре драчлив, как большинство самоучек.

— Небо — синий бык. Земля — красная корова — вымя, полное молока. Душа — конь... Я — Аз. Я — истина...

И вдруг я понимаю, что этот герой моего рассказа, этот «Шмель», такой наглый и такой тенористый, он — Люстра, получивший образование. Но Люстра, мальчик, был умнее, поскольку был искреннее, верил в себя, в свою звезду.

— Славяне ниоткуда не взялись. Скажем, коньяк — такой лозы нет. Коньяк складывается из разных сортов винограда и выдерживается в дубовых бочках. Ты обрати внимание на слово «вено».

Я знаю, что он скажет. Мне об этом «вено» говорил Люстра еще до войны. У некоторых древних народов Восточного Средиземноморья, позже у славян, позже у русских «вено» означало выкуп за невесту. Его давали в основном скотиной. Это был не просто тривиальный выкуп, а как бы соединение имущества — союз. От «вено» образованы слова: венец, венок, веник, вензель. Главное в этих словах связность, единство. Скажем, рубят избу — кладут венец на венец. Не отдельные бревна, а связанные венцы. Не сколачивают их, не замыкают, не закальвают, но вяжут. И первый ребенок в семье называется первенец — первый венец.

— Ты какой ребенок в семье? — спрашивал меня в свое время Люстра, обалдевший от собственного величия.

— Я не венец. Я веник. Короче говоря — букет.

— Тебе палец в рот не клади, ты сам с усам. Ты что, физику бросил, в мозговитость пошел? Но вернемся к нашему «вену». У кого был такой обычай, назывались либо венты, либо венеты, либо веныды. Здесь интересный аспект перехода глухой согласной «т» в звонкую согласную «д» — признак славянства. На севере Италии целая область носит название Венето...

Люстра, помнится, все свои исторические разглагольствования заканчивал укоризной Петру Великому за то, что царь не там прорубил окно в Европу. Нужно было ему рубить где-нибудь в Адриатике, в Эгейском море или в районе Александрии. Люстра снимал свои замечательные очки, верно, готовился погружаться в посейдоновы теплые воды.

— Откуда у нас такое замечательное словечко «человек»?

— Чело века. Ум, честь и совесть эпохи.

— Ну и дурак. «Словен» двухкоренное слово: «сло» и «вен». Корень «вен» преобразуется в суффикс, и в слове «славак» уже преобразовался. Кстати, и в слове «славянин» тоже. Выстраиваем цепочку. Словен — словак — словек. У поляков звук «с» переходит в «ш» или «ч» — человек. Понял — уже человек. В русском языке появляется дополнительная огласовка — человек. Итак, человек — это словен — славянин. У русских до семнадцатого века человек не было. Были людины и смерды. Просто — людин, буквально — простолюдин. Гришка Отрепьев нас человеками сделал... По Несторовой летописи единый славянский народ жил на Дунае, где сейчас Венгрия, Болгария, Словакия...

— А по науке?

— А по науке академик Шахматов Алексей Александрович говорит, что у славян было две прародины. Первая там, куда показывает монах. Вторая в районе Вислы, Одры, Лабы. Там в первом веке нашей эры окончательно оформился славянский язык. Западные снобы, зануды, говорят, что славянский язык, мол, слишком на их вкус своеобразен. Ну и что? Народ как раз и осознает себя по своеобразию языка.

Я хотел вызвать в своем воображении Леонтия из рассказа «Шмель», проконсультироваться с ним, но он кашлял во тьме, уходя... Люстра, его прародитель, оказался сильнее и самобытнее.

— Брось, физкультурник, — сказал Люстра, — он, твой Леонтий, придурок, а я твой старинный друг, я, можно сказать, тебя думать учил, размышлять. Не печалься, лучше послушай голос, с которого начинается миф о русском народе.

Голос этот принадлежит Андрею Первозванному — апостолу Христа.

В Несторовой летописи есть запись: «А Днепр впадает усть-

ем в Понтийское море, это море слывет русским — по берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петра...»

Если знаменитый апостол Петр вручил ключи, символ власти на земле и на небе, первому римскому папе, то Андрей, его брат, благословил русские земли на христианство.

«Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра и захотел отправиться в Рим и приплыл в устье днепроvское и оттуда отправился вверх по Днепру».

Спрашивается, кто поволок Андрея по Днепру вверх, против течения, через пороги и мели? Значит, шел караван, и он к каравану пристал. И никто его «за так» не повез бы — был он беден и с виду дик. Видимо, нанялся апостол в лямоччки — в бурлаки.

Шли по берегу войны в рогатых шлемах и буйволовых колетах. В 66 году эры Христовой. Шел и тянул лямку Андрей Первозванный — первый ученик Иисуса, которого римляне распяли позже в Синопе на косом кресте и вниз головой, так просил сам Андрей, чтобы нельзя было даже смерть его сопоставить со смертью его учителя.

Люстре виделось, что в первой ладье с высоким форштевнем стоял светлородый голубоглазый человек громадного роста. Звали того человека Один. Вел он свой народ на другое море, поскольку без моря люди его жить не могли. Станет Один на восемь веков скандинавским богом. Апостол же другого бога, «Бога истинного», как и положено в мифе, тянул ладью Одина, истирая плечи в кровь, к берегу его бессмертия.

«И случилось так, что он (Андрей) пришел и стал под горами на берегу. И наутро встал и сказал бывшим с ним ученикам. (Он и в пути проповедовал ватаге лямочников, нанявшихся в поход. Викинги, наверное, не тянули, они шли в боевом строю). „Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий и воздвигнет Бог многие церкви“. И взошел на горы эти, благословил их и поставил крест и помолился Богу и сошел с горы этой, где после возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивлялся им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим и поведал о том, как учил и что видел».

Люстре было до жути интересно: парили русичи Андрея Первозванного в бане? У него даже спина от этого вопроса чесалась.

— Наверное, парили,— говорил он.— С травяными настоями. Именно травяные целебные настои тогда называли «квасы». Конечно, парили с «квасами». Небось, плечи и спину апостол в кровь стер. А потом венником его. Слышишь, физкультурник: «вено» — союз. В первом веке русичи назывались венадами. Потом они стали называться антами и склавенами. Анты тихие-тихие, в шестом веке начинают шибко топорами махать.

Государство образовали вместе с кельтами — Само*. Врезали по сопатке аварам. Потом другое образовали государство — Великое Моравское княжество. А вот о склавенах мало что известно. Были, и все. Но посмотри. Скла — вены. Склад венев. Оять союз. Наверное, уже более сложный и более обширный. Склад — лад. Складно — гармонично...

Вот и я думаю, склавены еще в первом веке стали приходиться на Ильмень-озеро, на Ладогу и строить здесь свои города. В первом веке и варяги пришли.

Люстра перескакивал со склавен на варягов так просто, словно играл какое-то попури. Перед войной среди эстрады модным словом было «попури», а среди кондитерских шедевров «ассорти».

— Скандинавы вообще-то потомки легендарных народов моря, в Библии их называют филистимлянами. Филистимляне — потомки атлантов — асов**. Пришли они с Крита, разгромили хеттское царство, основали, но скорее захватили Илион, назвали его резко — Троя. Разгромили Сирию, Финикию, Палестину, бросились громить Египет, но получили по рогам. В буквальном смысле. У них шлемы были рогагы — с Крита, от Минотавра. Осели они в Палестине, но почему-то ушли. Не все, конечно. Не выдержали конкуренцию с торгашами финикийцами и ханаанцами. Ушли сперва в Трою, потом в глубь Малой Азии, где основали свою столицу Анкару. «Анкер» — якорь. Но в первом веке нашей эры, теснимые Римом, снялись и с этого якоря. Покинули и эти земли. И под предводительством Одина пошли по Днепру на север. Один послал, я думаю, отряды и по Дунаю. Но все они шли не куда-нибудь, а к нынешней Балтике. Скорее всего, тип кораблей, на которых совершали свои походы народы моря, тогда не был еще приспособлен для плавания в океане. Наверное, это были моноксилы — однодревы. На севере скандинавы создали свои легендарные дракары. «Драк» — дракон.

Когда я у Люстры спрашивал, ведомый завистью, откуда он все это взял, тот отвечал: от коровы.

— Корова была самым древним священным животным. В Индии — Нанни, белый бык, счастливый друг Шивы — автор космической музыки. В Египте — Апис, черный бык с белым

* По преданию образовано франкским купцом Само. В разговорах с неприятельскими послами Само называл себя славянином.

** Скандинавы действительно считают, что их боги племени асов явились с теплого моря. Снорри Стурлусон, известный исследователь скандинавской истории, склонен считать асами защитников поверженной Трои. Существует убедительная теория, что Троя вовсе не была повержена. Напротив, ахейцы потерпели под ее стенами такое сокрушительное поражение, что потеряли и свою культуру, и свою письменность на целых три столетия. Так что мысли моего друга Люстры о родстве скандинавов с атлантами — асами не так уж и нахальны. Победа же Агамемнона в Троянской войне — компенсационный миф, который помог грекам возродиться к величию.

пятном на груди — космическая душа Ра. Священным животным корова была и у атлантов — асов. И у филистимлян. И у викингов. Аудумла — корова, выкормившая прачеловека. Ледяные камни, которые она лизала, — звезды космоса. Кто есть Минотавр?

Я представлял себе грязного волосатого парня с головой быка и хлопьями пены на черных губах.

— Бред. Это не чудовище, не урод несчастный и злобный, — шептал Люстра. — Мать его Пасифая, дочь Гелиоса. Отец — Посейдон. Огонь и вода! Имя Минотавра — Астерий. Звездный. Повторяю вопрос: кто такой Минотавр? И отвечаю! — Люстра кричал, вытаращив глаза под очками: — Верховный жрец солнца на Крите. На голове он носил золотой круглый шлем с короткими прямыми рогами. Длинные волосы ему завивали, они казались гривой. И не жрал он прекрасных девушек и прекрасных юношей. Я говорю «жрал», потому что слово «жрец» происходит от слова «жрать». Жрец приносил Богу жертву — жратву. Человеческие жертвы были в те времена делом святым и обычным. Даже у ранних христиан. Но слово «жрать» так и осталось языческим, темным, даже жутким.

Победа Тезея над Минотавром вовсе не тривиальная победа одного спесивого царя над другим. Это победа новой религии над религией древней. Победа языческого политеизма над языческим монотеизмом. Людям понадобились зачем-то Афродиты, Марсы, Гермесы...

Люстра смотрел на меня, как смотрят в море. Наверное, он не видел моего лица, я для него был лишь щепкой на волнах, в лучшем случае плавником дельфина, он же стоял в ладье с прямым парусом. Я понял тогда, что увлечение интересной проблемой позволяет разуму повзрослеть так, что он вдруг из пленочного состояния собирается в мощный железный кулак. Этим кулаком Люстра бил меня в лоб. Из глаз моих искры летели. Сегодня я намеренно вздымаю и мыслю и лексику Люстры, наверное, для того, чтобы показать возникший тогда разрыв в нашем мышлении — дуэт шенка с петухом...

— Короче, спасая жертвенных девушек, Тезей в тысячи крат увеличил их число. Дело тут в лабиринте. Путь в его глубины был прост, его освещал свет старой веры. Но когда Тезей, убив Астерия, погасил этот свет, — тьма поглотила и его самого. Тьма и страшен путь из лабиринта — путь выбора. Эх, девушки, девушки... Короче говоря, молодые герои растащили громадное всесветное солнце по бесчисленным жертвенникам богов нуворишей.

Кстати, победа Тезея над Минотавром и есть та легендарная победа греческих предков над атлантами, о которой сказано у Платона.

— А катастрофа? — спросил я. — Когда небо стало похожим на студень?

— Катастрофа была до Тезея. Крит лишь провинция. Провинций, я думаю, было много. Нужно искать золотые шлемы с

прямыми рогами. Кстати, битва Тезея с Минотавром говорит знаешь о чем? О том, что асы не участвовали в конном походе индоевропейцев за Гималаи. Немцы пускай заткнутся. Арии к асам имеют такое же отношение, как и к старику Ною. Смешение культур асов и ариев произошло позже. Очень даже позже. Гораздо. Наверное, в борьбе с Римом. Тут интересно вот что, вникай: христианский миф о святом Георгии, поразившем дракона и освободившем жертвенную царевну, — это поздняя версия, перифраз мифа о Минотавре. Дракон олицетворяет два Ра — единение огня и воды, основу всех языческих представлений о происхождении живой души. Георгий — конец Афродитам и Аполлонам. Герой новой веры укукошивает своего отца — прародителя.

Пока я размышлял над уже несвойственным Люстре словом «укокошивает», Люстра в другую лодку перескочил.

— Дракон — это дурак. «Он» — суффикс. Как «стади(он)». «У» — огласовка. ДУРАК(он). Русские называли дракона — Змий. Дурака-то легко копьем забодать. А Егорий — герой, — Люстра снова перескочил с лодки на лодку — как не свалился в холодную воду? Хорошо бы, надо бы ему поостыть.

— Кстати, о лошадях. Викинги почитали коня и перед боем ели конину. Возможно, влияние амазонок. Возможно, влияние славян. У славян священным животным был именно конь. Конскую голову, череп, вешали на крыше бани. Или рядом с баней на шесте...

Я не смеялся над его банной привязанностью, поскольку видел в брызгах его горячего фонтана сверкающий образ, который будет звать и манить меня своей тайной — это земля моего раннего детства, валдайские золотые холмы. Наверное, из валдайских чистых песков и сварены стеклянные часы — кто же знает, как они устроены. Но я улавливаю их ход, их мелодичные звоны, скольжение разноцветных теней.

— Городов и на Ильмене и на Ладоге было много, — сказал Люстра. — Варяги называли этот край Гардарики — край городов. «Рики» — край, страна. Я думаю, апостола славяне все же попарили. Да и сам он, думаю, не дурак — не мог он от такого чуда отказаться.

«Удивительное видел я в славянской земле на пути своем сюда (в Рим). Видел бани деревянные, и разожгут их до красна, и разденутся и будут наги, и обольются квасом кожевеным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя ими, и до того себя добьют, что едва слезут, чуть живые, и обольются водой студеной, и только так оживут. И творят это всякий день, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то совершают омовение себе, а не мучение».

Сейчас бы я сказал Люстре, что описание бани Андреем Первозванным выглядит более захватывающим, чем благословение им Киевских гор. Некоторым исследователям кажется, что рассказ о бане насмешливый. Ничего подобного, каждому любителю бани, каждому северянину очевидно, что писал его

любитель, писал и почесывался сладострастно. Возможно, сам Нестор и был тем новгородцем, тем северянином. Но академик Рыбаков считает, что это кусок вставной и написан он в дохристианское время. Что ж, значит, писал другой новгородец. Может быть, рукопись, предшествующая «Повести временных лет», и писалась в Великом Новгороде.

И в Киеве новгородцы строили свои бани — княгиня Ольга сожгла древлян, убивших Игоря, в бане. И все же не оставляет меня ощущение, что это была не только месть княгини, но и последнее жертвоприношение язычницы Ольги богу Сварожичу.

Андрей проповедовал на славянской земле и якобы оставил русичам свой посох.

Напрашивается вывод, что именно русичи-«новгородцы» сохранили на Руси и донесли до девятого века слово Христа. И доставили его на освященные Андреем Первозванным Киевские горы.

У норвежцев в просторечье сохранилось слово «варьг», что означает волк или бродяга. В русском языке есть слово, похожее по звучанию и по смыслу — «варнак». Некоторые думают, что это от «варить», мол, так именовали солеваров, но я думаю, ошибаются некоторые. В слове «варнак» слышится что-то злое, видится окровавленное оружие, пахнет дымом, быстрым огнем. Слово «вар» до сих пор синоним кипятку. Может быть, «свара» — ритуальное паренье и мытье в бане. Русичи орали и охали как и сейчас, но громче. Отсюда и повелось: «Не устраивайте свару». Может быть, «свара» — принесение в жертву. Тогда и варнак — это просто жрец*.

«Путь из варяг в греки» так и назывался: «Путь из варяг в греки и из грек по Днепру». Так в летописи сказано — «Из варяг в греки», а не из славян в греки. Язык точен, как лекало, и не следует кроить его по выбору своего хотения. «Путем» владели варяги. Они и Родень, и Киев-Кенегард, и Полоцк, и Холм основали и, наверное, Ладогу. Нужны же были им укрепленные стоянки.

Они шли водой, а веныды шли сушей. Но пришли на одно море. Только все мореходные термины принесли на это венецско-варяжское море варяги.

Я помню, что на год раньше, когда Люстра еще только-только начал вживаться в Бога Богов, мы с ним чуть не подрались из-за Новгорода Великого. Кстати, он тоже был новгородец и, скорее всего, от своей красноглинистой, ольховой земли получил в дар стеклянные часы, которые как бы определяют и наше духовное знание, и нашу духовную реальность.

* В языке балтийских славян слово «варанк» или «варанг» означало «меч»...

Я спрашиваю Люстру задиристо:

— А ты разделяешь мнение, что новгородцы призывали варягов править?

— Разделяю.

Я созрел для драки сразу — я стеснялся факта призвания варягов.

— Что же, по-твоему, они были шкварки?

— Важно выяснить, физкультурник, кто такие эти они?

— Новгородцы.

— Новгородцами они стали уже потом. По летописи получается так: варяги взымали дань «с чуди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей».

— Дань — мне понятно. Я говорю о князе.

— Варяжских племен было много, и все разбойники. Одни прибегают: «Гони деньги!», другие прибегают: «Давай дань!». Третьи набрасываются: «А ну, раскошелейвайся!». И всем дай. И приходилось мирному народу нанимать себе защитника. Лучше и дешевле такого же бандита — варяга. И нет у людей перед ним священных обязанностей.

Мне такой поворот понравился. А Люстра еще более меня успокоил:

— В общем-то все было так, но еще проще. Племена, жившие тогда по берегам Волхова и реки Великой, являли собой довольно тесную общность и выбирать князя из своих племен не могли, чтобы одно племя над другим не возвысилось. Словом — варяжский выбор был самым что ни на есть оптимальным. Варяги владели «путем». Варяги владели Киевом. Варяги как бы имели право на старшинство.

Антипатриотические выпады Люстры я относил за счет его желания поддеть меня. Я, разумеется, хотел смолчать, но не смолчал:

— Киев основал Кий, князь полян — перевозчик.

— «Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев», — сказал Люстра и добавил уныло: — Не было у полян князей... Я вычислил, кто такие Кий, Щек, Хорив и сестрица их Лыбедь. Кий — молот. Древнейшее в мире оружие — от неолита. Молот потом преобразовался в скипетр — знак верховной власти. Кстати, молотом вооружен и варяжский бог-воин Тор. Значит, Кий не имя, а метафора — могучий грозный человек-князь. Значит, фольклор. Значит, Киев — княжий город, буквально перевод с варяжского Кенегард. Посмотрим на Щека. Щеколда. Щит. Щека. Отгораживать, запирать, защищать. На венедемском поморье есть город Щепин — крепость. Щек тоже персонификация. Кто же такой Хорив? Вернее, что такое «хорив»? «Хор» древних греков — коллективный герой. Что мы можем назвать «коллективным героем», кроме дружины? Народный сход? Вот именно. Название горы — Хорив, упомянутой в Библии, по всей вероятности означает место народного схода у филистимлян.

Стало быть, так: князь Кий жил на горе, «где ныне подъем Боричев», на горе Щековице стояла крепость, размещалась дру-

жина, а на Хоривице собирався народный сход. Тут, физкультурник, есть над чем подумать.

— Ладно,— сказал я,— подумаю.

Но Люстра и подумать не дал — такой просветитель.

— Был бы ты, физкультурник, не так ленив головой, ты бы понял: язык таинственнее, чем кровь. Возьмем слово «сербы». Сербы есть в полабских землях и на Балканах. Но это вовсе не определяет между ними какую-то прямую связь. Это метатезная форма слова «себры» или «собры». Кстати, себров мы и сейчас имеем в белорусском «сябры» — родичи, товарищи, и в русском, ушедшем, — «шабры». Вот когда анты пришли на Балканы, они все были себрами, и сербы, и хорваты, и болгары. «Се» означает «мы». Се бра. Мы братья. Собратья. Одна семья. Это и есть глубинная основа славянства. Единение. Гармония. Соборность...

«Почему это для нас так важно? Может быть, беда наша в том, что мы понимаем братство так полно, что не допускаем никакого инакочувствия. Может быть, именно поэтому Христос, этот безжалостный демократ, от нас отказался?» — думаю я сегодня. Тогда же я спросил Люстру с высокомерием:

— Может быть, ты и о боженьке что-нибудь свистнешь?

— Веник ты, вот кто,— сказал Люстра.

— Сам веник,— ответил я, наслаждаясь грузом своих кулаков, не умея на Люстру сердиться и не умея принимать его без поправок. И добавил: — Лопух — врожденный...

Сейчас, читая иногда заявления о чуть ли не генетической любви русских людей к центральной власти, их инстинкте государственности, мне так хочется, чтобы во всех школах в начальных классах было повешено на стену замечание Прокопия Кесарийского о славянах. Прокопий писал про антов: «...Не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве. И поэтому и счастье и несчастье в жизни считают общим».

Наверное, потому и объехали нас «пророки» и путь во тьму народ принял как путь к свету. Уж очень славянским был тезис равного счастья для всех. Только у православных счастье это обуславливалось — во Христе. У славян-язычников — в Ра — в Радости. Новая же теория, как оказалось, предлагала народам Царство Божие без Бога.

В этом месте можно было бы рассказать о некоторых взглядах Люстры на язычество славян, что имеет непосредственное отношение к мифу, а мы к нему приближаемся все же, но хочется предоставить среднешкольнику возможность поразмышлять о прозвище Кня — Перевозчик. Наверное, все-таки это не занятие для князя. Для князя, мягко говоря, перевозить на челне крестьянок через Днепр — дело мало достойное, да и для всего русского народа было бы неловко, если бы было так — не нашли для князя занятия поярче. Но, может быть, «перевоз» — аллегория. И князь Кий прославился тем, что отправлял врагов на тот берег Стикса сам, без помощи старика Харона — ударом своего каменного кулака?

У Люстры на этот счет был свой взгляд, он не употреблял

слов «концепция» или, что еще смешнее, — «теория». Он говорил — взгляд.

— Теперь по поводу Кий-перевозчик. Положи на ум: поляне молотом как оружием не пользовались. Они вообще старались не воевать. А если случались у них стычки со степняками, то и оружие они имели адекватное. Князя Святослава Игоревича, великого воина, изображают с саблей, а не с прямым мечом. Дальше, представь себе волок на «Пути из варяг в греки». Кстати, ты понял — почему из варяг в греки?

— Понял.

— Нет, ты не понял. Это же был их путь — путь спасения, путь поиска новой родины, новых морей. И, конечно, в теплое Средиземное море их тянуло как магнитом. Там, на теплом море, была их прародина. Они там помнили все. Они о нем своим детям рассказывали. Это был не только торговый путь — это был путь предков. Для торговли они могли ходить по морю вокруг Европы. И ближе, и легче.

— Почему легче?

— В море ты плывешь себе и плывешь. А на волоке? Часть грузов, а то и весь груз, перегружали на волокуши. Ладьи ставили на катки и тянули до следующей реки. На другом волоке то же самое. А разбойники так и лезут, так и прут. Зевать некогда. Идут под звон мечей, как сказал бы поэт. Подходит караван к Днепровским порогам. Как ты себе это представляешь? Один грамотный сказал: «Да, конечно, на порогах должна была быть лоцманская служба». Представляешь — лоцманская! А может — боцманская? Невозможно пройти пороги на больших груженых ладьях. Да и не надо. И как на любом волоке, ладьи разгружались и под защитой вооруженного отряда медленно, на волах двигались по берегу. Кстати, и «вол» происходил от «волока». Содержать перевоз способен был только князь или крупный воевода. Я вот о чем подумал: когда был попутный ветер, на ладьях ставили паруса, чтобы волам и бурлакам было легче тянуть. Понимаешь, куда я клоню?

— Князь Олег, — сказал я, представив легендарного князя, поставившего ладьи на колеса и под парусами, развернутым строем, в столбах пыли катящего с дружиной своей к «вратам Цареграда».

— Значит, во времена Олега на перевозах пользовались уже не валками, а колесами... А малые лодки-челны несли на плечах. А вот другой перевоз — соляной. Соль везли из Таврии. Соль тоже сопровождала вооруженные отряды. На реках соль перегружали в лодки. В лодках же перевозили и волов. Каждая переправа представляла опасное военное предприятие. Соль — золото... Третий перевоз — рабы.

— Ты хочешь сказать, что полянский князь...

— Я же тебе объяснил, физкультурник, — у полян князей-воевод не было. Иначе зачем мы так судорожно пытаемся ослабить Аскольда и Дира? Были они варягами — варягами и останутся. Такие, заросшие бородами. Рогатые. Хари. И Кий был

харя. А сестра его Лыбедь — опозитизированная народом ладья.
— Тебе же они, как я понял, так нравятся, а ты их «харями», — сказал я.

— И ты харя, — ответил он.

Отсутствие мифа в русской истории, подобного «Троянскому коню», я, например, ощутил в детстве и воспринимал его так же стеснительно, как и свой небольшой рост в компании долговязых баскетбольных приятелей.

Хотя мест для возникновения мифа в нашей истории предостаточно.

Мы учили в школе, да и сейчас в книжках о фольклоре читаем, что Святогор-богатырь — персонификация сил природы, мол, не было на Руси ни гор, откуда бы Святогору взяться, ни таких космических катаклизмов, чтобы возникла надобность в столь могучем богатыре. Вот Илья-Муромец — русский, и отражает он заботы тогдашних русских людей.

Конечно, Илья-Муромец никаких сомнений в моей душе не порождает — красивый богатырь, и выражает он прежде всего странное наше русское свойство тридцать лет на печи сидеть — так что в этом смысле он более чем современен, с той только разницей, что нынче сидели мы на печи — поджаривались — все семьдесят лет, и даже не верится, что вроде бы разминаем ноги. Но Святогор представляется мне фигурой более сложной, пришедшей к нам не просто из некой фольклорной плазмы, но из той истории, когда богатыри держали на своих плечах небесный свод. Горой называлась всемирная вертикаль и все другое вокруг нее, потому что «Го Ра» — это Высокий Огонь — Путь Огня Небесного. Святогор — эхо тех древних представлений о мире, сохраненное славянами и торжественно похороненное Ильей-Муромцем в окованный железом гроб. Но мифы не успели возникнуть и стать основой русской культуры не только потому, что все чудесное, связанное с небесной горой, так быстро перешло в достояние новому Богу Христу, но и в силу особой стати славянского язычества, тяготеющей к правде, к той правде-матке, из-за которой мы и сейчас чаще, чем этого требует здравый смысл, не спим ночами и черним себя, и черним... А вскочив поутру, задираем нос и желаем идти своим особым путем.

Наверное, здесь следует остановиться и разобраться в первоосновах язычества — что же это такое?

Академик Рыбаков* остерегает нас от высокомерного отношения к мировоззрениям древних, к многообразным мистическим обрядам и культам и призывает к познанию волшебного мира, без которого душа человеческая становится похожей на вполне познаваемую алюминиевую расческу.

«При всем несовершенстве и расплывчатости слова „язычество“, лишенного научного терминологического значения, но крайне широкого и полисемантического, я считаю (Рыбаков) впол-

* Я обращаюсь к Рыбакову потому, что его точка зрения ничуть не хуже других точек.

не законным обозначение им того необъятного круга спорных вопросов, которые входят в понятие первобытной религии: магия, анимизм, пандемонизм, прамонтеизм, дуализм и т. п. Многообразному, разнородному комплексу вполне соответствует многообразный в своем наполнении термин — „язычество”. Нужно только отрешиться от его узкого церковного понимания и помнить о его полной условности».

Люстра же, мой друг-очкарик, говорил о язычестве так:

— Я — Аз. Я истина. Что хочю, то ворочу. И всякого бога. И всякую тварь. Пожелаю — все уже навороченное похерю и другое наворочу. Я — Аз. По-гречески: Эго — Ист... А славянское язычество как раз и отличалось от прочих тем, что формула у славян была другой: Ра — Аз. Истинно то, что дает жизнь. Вот оно как. Ра — Аз. Солнце есть истина.

И никогда за всю свою многовековую историю славяне не ставили «Я» впереди Бога. Лишь однажды проделали они эту операцию, но не с «Я», а с «Мы», и тут же от этого «Мы» были отлучены. «„Мы” — сказали им — это мы. А вы — это вы, и вам надо быть скромнее». Но, слава Богу, не все стеклянные часы разбиты, колесики их крутятся с тихим звоном, и в душе разрастается надежда, похожая на дерево, расцветшее множеством радуг. Может, одна из них уплотнится в некий целебный плод, каковой и принято называть мифом.

Собственно, что такое «миф»? На этот вопрос, верно, нет ответа. Ж.-П. Вернан, знаменитый французский исследователь античности, пишет: «Все, что верно для разума, далеко не всегда верно для мифа. Последние труды антропологов предостерегают нас от попытки возвести миф в своего рода духовную реальность, которая присуща природе человека и действие которой обнаруживается везде и всегда»*.

Наверное, не «везде», но «всегда», когда народ настигает некое громадное поражение и народу нужно собрать волю в общую песь, чтобы не потерять самобытность.

В начале шестого века до нашей эры, понуждаемый заботами арифметики и геометрии, слово «алгебра» тогда еще не родилось, в греческой колонии Милет возник совершенно новый по тем временам подход к знанию, который и принято считать началом европейского мышления. Ионийские «физики», объявив науку внешней по отношению к религии, установили порядок, в коем сущее покорится не на мощи Бога, а на законе, общем для всех элементов космоса. Этот порядок отвергает возвышенность одних понятий над другими, приводя мир к симметричным, обратимым соотношениям.

Поскольку инструментом мышления является язык, то именно на нем и сфокусировался новый разум, разделив СЛОВО на две категории — «логос» и «мифос»: что истинно и доказуемо — «логос», что восхитительно и чудесно — «мифос». Правда, критика не распространялась на священные тексты — абсолютный от-

* Вернан Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли.

каз от мифа делает и науку и идеологию безразличными и в конце концов лишает их цели.

Кто-то сказал: «Мне жаль тот народ, который нуждается в героях». Фраза хлесткая. Но ведь еще более достойн жалости тот народ, у которого героев нет. Я склонен думать, что некоторые войны, обезображивающие сейчас лик планеты, затеяны исключительно для того, чтобы пополнить оскудевшие за века запасы национального героизма. Это прекрасно, когда вместо памятника герою ставят памятник собаке или даже свинье. Это прекрасно: собаки и свиньи достойны любви, но еще более достойны лошади — они везут.

Некоторые люди у нас в стране предполагают сейчас сократить или свернуть вообще программы по исследованиям космоса, среди них есть и художники слова. Особенно горячи артисты. Чем же тогда народу гордиться? Народ без гордости — это толпа. А у нас за семьдесят три года, похоже, есть лишь один повод для гордости — наши бывшие достижения в космосе. Даже наша победа в Великой Отечественной войне уже не предмет гордости. Война породила истину, но ее, как большую деньги, разменяли на мелочь: на песни, парады и фейерверки, на всякого рода медали, значки и жетоны из легкого сплава. Обилие их породило сплетни, желание суда.

Рвение, с которым растаскивается победа под судейские микроскопы, суетно, корыстно и нечистоплотно.

Народу же, конечно, нужна победа.

На памятнике «Тысячелетие России», в Новгороде, под крестом стоит князь Рюрик. Но какое имеет он отношение к Руси православной? Никакого! Но может быть, именно ему была определена в этом деле заглавная роль.

Наше воображение рисует рядом с ним, или даже впереди него, князя Олега с младенцем Игорем на руках. Художники и скульпторы даже переборщили в эксплуатации этой темы...

Но что же случилось на Ильмень-озере в девятом веке? Почему к тайнам этого времени мы возвращаемся и обязаны возвращаться?

Ну, убили варяжского князя Рюрика. Ну и что? Мало ли их убивали? Подумаешь, Рюрик! Правда, имя у него красивое. От Рарока-Рарошки, славянского дракона — огня небесного, молниеносного сокола. И первый вопрос — почему мы Рюрика, варяга, помним по его славянскому имени?

Да потому, что был он наполовину славянин, был он внуком Гостомысла, легендарного посадника ильменьских славян, первого и Первейшего выборного старейшины племени, наделенного народной памятью ореолом провидчества и таинственности. Люстра считал, что Гостомysl — Рус, верховный жрец.

У Гостомысла были убиты сыновья. Именно этот факт побудил славян призвать на княжение Рюрика.

Но кому-то Рюрик мешал — неспроста же воин Вадим Храбрый восстал против него. Рюрик якобы слишком теснил свободу славян (?). Выйдя из Ладоги, тогдашнего княжьего гнезда, Ва-

дим Храбрый построил против Рюрика молодую крепость Новгород*.

И что же получается? Какая картина?

Ильменьские славяне живут себе в городе Великом Словенске. Рюрик строит себе городище на холме ближе к Ильмень-озеру, поскольку князя в город тогда еще не пускали. Вадим ставит свою крепость на другом берегу — в город и ему хода не было. В Киеве настороженно сидят Аскольд и Дир, воеводы Рюрика. Топоры и мечи уже горячи. А Олег? Где Олег?..

Но, прежде чем все сдвинется с места, следует все же остановиться на попытке Большой Советской Энциклопедии ослабить Аскольда и Дира, поскольку принадлежность действующих героев к славянам будет играть для нас важную роль.

Нестор называет Аскольда и Дира варягами. Будь они славянской крови, монах этого не упустил бы. Но ничто не свидетельствует об их славянстве. Нет в памяти народной ни имени их отцов, их жен и детей. Известно лишь, что Аскольд и Дир с дружиной «ходили на греки». Царьграда воеводы не взяли. И не потому, что не хватило им мужества или корыстолюбия — просто Царьград не всегда сдавался варварам. Иногда он достойно сражался и даже побеждал. Известно также, что Аскольд и Дир воевали в Закавказье, боролись с Дунайскими болгарами, печенёгами, уличами, древлянами.

Заглянем в Большую Советскую Энциклопедию. Том 3, стр. 248. «Аскольд и Дир. Киевские князья... в 822 г. были убиты Олегом, обвинившем их в узурпации княжеской власти в Киеве.. Сторонники лженаучной норманистской теории на основе созвучия имени Аскольд с некоторыми скандинавскими именами считали А. и Д. варягами-скандинавами**. Однако слово „Аскольд” не может быть сведено только к скандинавскому корню, а имя „Дир” является чисто славянским».

В этой маленькой статье очень много занятного. А. и Д. киевские князья. Почему же Олег обвиняет их в узурпации княжеской власти? Чтобы их укокошить, Олегу не нужны никакие уловки, он бы и кесаря царьградского укокошил, если бы это нужно было ему. Но он обвиняет их в узурпации. Стало быть, имелся князь. А кто?

Игорь? Так считал мой друг Люстра. Кстати, в те годы и не было этого странного спора с Нестором-летописцем. А что касается «чисто славянского» имени Дир, то не было более ни одного Дира в истории всех славянских государств, а словарь древнего русского языка приводит лишь одно похожее слово «Дирка-Дырка», что, право же, не годится для мужского, тем

* Предположение, что именно Вадим построил Новгород, я услышал от молодой талантливой ленинградской писательницы Марии Семеновой. Жаль, что мой друг детства очкарик Люстра не допер до этого. Устройство Новгорода Вадимом ложится в его представление о тогдашних событиях, как луна в озеро.

** Хаскульд и Тюр.

более княжеского имени. А вот у скандинавов даже фамилия с этим корнем сохранилась — Дирак*.

— И Рюрика они убили,— говорил Люстра,— Не мог Рюрик погрешить в сборе подати. Ну не мог. У них же тариф был. И князь свою честь знал.

Действительно, тариф был, например, хазары «брали с полян и северян, и с вятичей по серебряной монете и белке от дыма».

Существует легенда, что Рюрика, когда он пошел по реке Мсте за данью, якобы окружили недовольные мужики в глухом лесу, дружину его обратили в бегство, а его самого зарубили.

А вот захоронен Рюрик в кургане, в гробу, оплетенном золотой цепью. Уж не мужики ли его золотом оплели?

Думается, что в глухом лесу поджидала Рюрика дружина числом поболее, а умением не слабее.

Если славяне были недовольны тем, что Рюрик слишком теснил их свободу, то чем недовольны были варяги?

Но посмотрим все же, кто такой Вадим. В 864 году Вадим Храбрый возглавил восстание против Рюрика. Вот что сказано об этом в летописи: Рюрик «...уби некоего храбра новгородца именем Вадим и иных многих новгородцев, советников его». Слово «храбр» или «хоробр» имело в старину значение «воин», я полагаю, более того — воевода. Все от того же корня «хор» — коллективный герой, отряд, организованная масса. Кстати, «хором» — дружинная изба.

Итак, Рюрик убил воеводу Вадима. Если следовать догадке писательницы М. Семенович, что именно Вадим построил Новго-

* Некоторые нетривиальные исследователи склонны видеть в А. и Д. угорцев. Кстати, место, где они захоронены, и называлось угорским. Но «нетривиально» вовсе не означает — ближе к истине. Нестор называет А. и Д. варягами — это не означает и скандинавов. Национальный состав дружины Олега можно рассмотреть по именам воевод, вместе с которыми он подписывал договор в Царьграде в 907 году. Карл — германец. Фарлаф (Фарли) — кельт. Рудаф (Рула, Рулик) — и поныне эти имена принадлежат полякам, возможно, от исчезнувших вендов. Велемуд — славянин из Моравии. Стемид (Стеמידас) — балт. Скорее всего, прусс. Названные имена можно истолковать и по-другому. Главное, что не были Аскольд и Дир князьями. Да и смешно это — два князя! Близнецы, что ли?

Существует и любопытная вендская гипотеза, по которой выходит, что варяги — это дружины западных славян-вендов: боричей, любичей, ранов, поморян. Скандинавы с большим уважением относились к вендским воинам, отважным и умелым как в морском, так и в пешем бою. Мой друг Люстра считал, что в девятом веке варягами уже назывались все разбойники независимо от национальности. Но основали путь из варяг в греки скандинавы. Они владели путем до конца, то есть до вешего Олега. К тому же, как мне кажется, Люстре викинги нравились. Он многое у них любил. Особенно слово «руны». Он считал это слово аналогом славянскому «струны» — вечернее пенье. Пенье памяти. Руны поют на закате, чтобы не позабыть себя, чтобы помнить хотя бы до следующего восхода.

род, то и «новгородцы» из летописи предстанут нам не как просто жители, но как сторонники Вадима. Далее, в летописи сказано, что Рюрик убил и многих «советников его». Значит, имел место заговор против Рюрика: Вадим, Аскольд и Дир и другие воеводы-варяги, сидящие на волоках и городах «пути из варяг в греки». Чем их не устраивал Рюрик? Может быть, они желали каких-нибудь нововведений? Скорее всего, они хотели, чтобы все осталось по-старому, как было. Значит, Рюрик нес с собой перемены. В чем?

Люстра утверждал, что Рюрик, распропагандированный своим дедом Гостомыслом и своей славянской мамой, вознамерился «варяжский» путь преобразовать в «славянский» и основать славянскую династию. Поскольку и жена Рюрика была славянка, то Игорь, Рюриков парнишка, был уже на три четверти славянин, говорил Люстра. А Святослав — князь, сын славянки Ольги, — был уже полным славянином и имя имел славянское. Но не на это же обижались славяне, а на то, что Рюрик теснил их свободу. Какую? Понимая христианизацию Европы необходимостью абсолютной, он и «путь из варяг в греки» видел европейским — христианским.

Слушая такие его заявления, мы со Степой взвизвались. Степа дал себе слово с Люстрой не спорить, но «соскакивал», не выдерживал. Но, выпустив полемический углерод, мы опять-таки приходили к выводу, что Люстра прав.

Рюрик понимал, что варяги утрачивают свою монополию на «пути». «Путь», по существу, это сложившаяся система политических и экономических отношений, можно сказать, — империя, и, ославив «путь», привязав его к населению, Рюрик тем самым заложит основы славянского государства. Наверное, именно поэтому он и стоит на форштевне памятника «Тысячелетие Руси» в Новгороде.

Убили его и варяги, и славяне.

Казалось бы все — концы в воду. Но возникает Олег.

— Олег славянин! — орал Люстра, светя очками как шаровыми молниями. — Имя ему Волх, или Ольга. Недаром народ создал былины о князе Волхе Всеславьевиче и князе Вольге Буслаевиче. «Буслаевич» — очень уж новгородское отчество. А Всеславьевич значит — величайший гражданин Руси. И матушка Волха, Марфа — Всеславьевна не по отчеству, но по сыну. Марфа — любимое женское имя новгородцев. А отец Волха — змей. Всемудрый.

«Подрожала сыра земля... А синее море сколыбалось...» Волх родился на Руси — языческий богатырь, колдун. И что же этот Волх делает?

А идет Волх к городу Киеву и далее на царство Индейское, чтобы защитить от Индейского царя Божьи церкви и дочестны монастыри.

Он обвернулся гнедым туром золотые рога,
Побежал он ко царству Индейскому,
Он первую скок за целую версту скочил,

А другой скок не могли найти;
Он обвернулся ясным соколом,
Полетел он ко царству Индейскому.
И будет он во царстве Индейском.

— Как же так, Волх-колдун идет защищать Божьи церкви?
Кто таков?

— Князь Олег! — однозначно говорил мой друг Люстра. — Волх — Вольга — Олег — все его имена. А идет он, язычник, чтобы выполнить завет Андрея Первозванного и положить на Руси, на Киевских горах, начало христианству. А обернулся соколом на второй скок — это он к Царьграду пошел на парусах...

Нет, сам Волх христианства не примет и ведет он себя в былые как язычник — волхвы, принесшие дары деве Марии, тоже не стали христианами. Но учение Андрея-апостола, видимо — так Люстра считал, — дало крепкий росток в славянском народе на Ильмень-озере.

По мнению Люстры, Олег сидел с трувар — верной дружиной («вар» — клятва) — в Изборске. Наверное, Изборск принадлежал славянам, а не кривичам — там все славянское: и славянские ключи, и славянские озера, и славянские болота. Верховодил Олег и над Плесковым, держал псковские под собой и, что вполне вероятно, имел он в Плескове семью.

После убийства Рюрика Олег взял в Белозерске малолетнего Игоря и пошел с ним, как с хоругвью, в свой крестный путь. Благородный Олег — поскольку, войдя в Словенск Великий, и в Новый город, и в городище Рюриково, власти княжеской не узурпировал. Вещий Олег, поскольку предвидел Русь не только славянской, но более того — православной.

Люстра считал, что именно Олег выбрал православие для Руси. Хотя, по мнению известных и уважаемых ученых, оно, православие, было предопределено видом и родом язычества русичей-солнцепоклонников. По мнению Ловмянского*, единственным богом славян был Сварог — небо. Академик Рыбаков утверждает, что на Руси и у славян вообще богом был Род и Роженицы. А вот что говорит интересный и критичный ленинградский историк Клейн. «С этой точки зрения, именно качеством „своего“ язычества, а не географическим положением или прочим, была приуготовлена Русь к христианству, даже более узко — к православию».

Степа, он все же не удержался от своей оценки, предположил, что православие — выбор Гостомысла. Только жрец — Рус — способен был угадать новую веру и увидеть солнце над крышей будущего храма Божьего и соединить двух Богов в такое гармоническое чудо, как златоглавая русская церковь, — только художник.

Люстра же напирал на то, что в Поильменье новой вере учил иставлял славян сам святой апостол Андрей Первозванный. Он же и греков учил.

* Генрих Ловмянский — известный польский историк.

Мне был ближе взгляд Степы на это дело. Недаром даже в двадцатом веке русских называли двоеверцами. А сами они, как бы в подтверждение этому, зажгли на храмах Христовых золоченые солнечные купола. И на них водрузили кресты, как бы окрестили самое солнце. И первый золоченый купол засиял на соборе Святой Софии в Новгороде.

Я представлял себе вешего князя стоящим в Царьградской Софии в золотом мерцании божественной литургии, в ангельском пении и благовонных каждениях.

Время все же возвращает нам наших богов и героев. И я надеюсь, что со временем на самой почетной площади нашего государства, где сейчас охраняемый чиноприимный погост, все же поставят памятники основателям Руси: Гостомыслу, Рюрику, Олегу и княгине Ольге. Но более всех — Олегу.

Меня тогда сильно будоражило то, что Люстра считал Ольгу дочкой Олега. Крещение действительно неотвратимо надвигалось на Русь. Сам Олег не был готов к нему. Не были готовы и киевские поляне. Игорь, по всей видимости, оказался человеком слабым, не способным нести ответственность за принятие нового бога, наверное, не способным понять необходимость в нем. Вот как утверждал Люстра: спасая идею Гостомысла и Рюрика, привез он (Олег) из Плескова свою недюжинную дочку Ольгу Игорю в жены. Так что был он (Олег) князю Святославу дедом, а князю Владимиру прадедом. Но ведь мог он, имея такую дочь, обойтись и без Игоря — нашел бы ей какого-нибудь удалца покраше. Вот тут и кроется сокровенное: Игорь был прямым потомком Гостомысла, жреца солнечной триады, и от слияния ее с богом-человеком должна была возникнуть высшая совершенная благодать.

Именно Ольге, своей мудрой дочери, завещает князь Волх крещение Руси. Но и она, архонтисса руссов, не осмелилась толкнуть народ в Иордань.

То, что принятие православия Русью было провидением и проповедью Олега, явствует из легенды о его смерти.

Пушкин называет Олега вешим. Олег возвестил новую эру и новый путь руссов, на который, к слову сказать, Русь до сих пор так и не вышла — может быть, только сейчас...

Разговор Олега с волхвом, каким он виделся Пушкину, это разговор двух старых людей, полный достоинства и уважения друг к другу. Может быть, даже чуть крикливый со стороны волхва. Но его понять можно. Олег спрашивает провидца не о своей личной смерти, она его мало волнует, но о судьбе его дела. И волхв отвечает, скрытно обвиняя его в предании небес:

И примешь ты смерть от коня своего.

Кто же этот самый конь? Просто кобылий череп со свернувшейся внутри него змеей? Нет, конечно. Тогда бы и смерть была от змеи, а не от коня. И своему боевому коню Олег ничем не досадил, чтобы так ему мстить. Значит, и череп и змея в стихах Пушкина и на картине Васнецова — аллегория.

Конь — это предки *. Вера предков. Род.

Сразу становится ясным, за что Конь покарал князя. За будущее. Может быть, за нас с вами.

О, если б человек увидел
Лицо волшебного коня...

Волшебный конь — спаситель. Именно лошадь спасла наших отдаленных предков от демографического кризиса, позволив им сдвинуться с истощенных земель. Доселе на русеких избах существует конек, пускай лишь слово, под сенью которого и живут люди. Конек стал символом мудрых предков и мудрого миропорядка.

Но вернемся к Олегу. Художники изображают его с суровым челом. Он суров и пуст — позади него пустота. И не знают художники, чем пустоту заполнить — рисуют ладьи на колесах, врата Цареграда, кобыльи черепа.

Олег трагичен, как великий пророк, и писать, и лепить его, и сочинять музыку о нем нужно по законам трагического. Как бурю всех бурь, как сшибку богов.

Внимательно посмотрите на атрибуты смерти вещего князя: конь, змей и сам он в плаще, при оружии. Ему бы на коня вскочить да поразить змея мечом, но змей — отец князя Волха. И святому Егорию змей отец. Всемудрый. Вот и судите, художники, как Олега писать.

Но думается мне, сердце так говорит, что столь длительным отчуждением Волх — Вольга — Олег заслужил милость древних богов. Чтобы милость эта стала полной и яркой, нужна и от нас все-таки некая малость — научить народ уважению к своим древним пророкам.

Так пусть же обретет Волх бессмертие и свой масштаб в наших душах.

Тогда стеклянные часы нашей памяти, которые так легко бьются и так печально звонят, превратятся в часы алмазные.

* Люстра считал, что слово «князь» происходит от коня — «конязь», как обозначение династического права — от предка. Князьком в старину называли конек на крыше дома. Так же от коня выводил он и деление Новгорода на Словенский и Неревский концы — слободы, где поплеменно селились славяне и финны-мера.

КРИК ЕЖА

(Продолжение, начало в № 1—7)

6

Отношение к общежитиям у меня почти завистливое — еще с университетских лет. Половина нашей группы была иногородней и жила в общежитии. Эти ребята чем-то отличались от нас, от коренных. Общежитской жизнью: неустроенной, шумной и веселой. Я любил у них бывать. На всех одна кастрюля и электробритва; один на всех галстук и выходной костюм; чаепитие до полуночи и споры до утра.

Общежитие строителей отличалось от студенческого, как, скажем, блочная пятиэтажка от небоскреба. Общежитие квартирного типа. Современный интерьер, чистота, яркость, словно после ремонта. Я даже заглянул в комнату для занятий; какая там комната — зал с кульманом.

Поэтому коменданта предполагал увидеть в министерском кабинете. Но он сидел, вернее, стоял посреди десятиметровой комнаты; правда, уютной по-домашнему. Может быть, за счет самовара, нержавеющей снявшего на тумбе в том углу, где обычно пыжится телевизор.

— Газосварщик Помелухин? — энергично спросил комендант.

— Нет, корреспондент Беломызин, — тоже позэнергичнее ответил я.

Он постоял, подумал и сел за стол. Худощавый парень чуть постарше меня. Волосы сивые, кожа светлая, рубашка белая с тонюсенькими, почти невидимыми темными полосками. Нос острый, плечи вздернуты угловато, и весь он походил на чайку.

— О нас уже писали, — сообщил комендант.

— В каком ракурсе?

— В стенах этого общежития родилась группа-рок «Пестициды».

— Меня интересует нравственный климат.

— И о нравственности писали. Про секс и жилплощадь.

— Каково же у вас положение с сексом? — спросил я, потому что положение с жилплощадью видел.

— Наш секс ненавязчивый.

— То есть?

— Из-за любви не травилась, друг друга не убивали и новорожденных младенцев в мусоропровод не бросали.

От этой разминки пора было переходить к делу. Я искал перекатный вопрос, который перевел бы разговор на личность коменданта незаметно, как говорится, в контексте общего разговора. Был искус ухватиться за его последнее слово о брошенных младенцах, но спешка чревата.

— Геннадий... как по отчеству?

— Петрович.

— Геннадий Петрович, а как лично у вас с этим делом? — спросил я с долей интеллигентности.

— С каким?

— С ненавязчивым сексом.

Командант явно озадачился, что выразилось в общей нацеленности лица: взгляд и острый нос как бы легли на одну воображаемую линию, которая воображаемо уперлась в меня.

— Почему вас это интересует?

— В контексте общего разговора.

Теперь, по-моему, его озадачила уже не суть вопроса, а этот самый контекст. Видимо, спрашивал я не так: по моим наметкам, он должен улыбнуться и ответить с приятной легкостью. Командант же нахохлился, уже походя не на гордую белую чайку, а на светлого петушка. Ей богу, писать и отвечать легче, чем задавать вопросы. Видимо, поэтому есть искусство спрашивать и нет искусства отвечать.

— Ну что же,— все-таки улыбнулся командант.— Если интересно.. Женат, имею одного ребенка, как мужчина полноценен. Еще вопросы будут?

Еще вопросы были. Но меня привлекло что-то неосязаемое; и оно, это неосязаемое, имело явное отношение к моему визиту. Я бессильно поерзал. Пошевелился и командант. И это неосязаемое доплыло до меня явственное.

— Чем пахнет?— спросил я.

— А что?— смутился Петров.

— Очень миленько.

— Мною, то есть от меня. Импортная туалетная вода, для после бритья.

— Французская?

— Да, какая-то «Риччи».

— Небось, «клуб»?

— Вроде бы.

— А где достали?

— Угостили, то есть подарили.

Неимоверными усилиями задержал я вопрос про того, кто подарил. Не спешить: к цели не идти, а красться. Эта мысль — «красться» — надоумила:

— Геннадий Петрович, не скажете, который час?

— Без десяти одиннадцать.

И хотя глянул он на свою руку мельком, я засек, что часы не наши.

— Интересные у вас часики...

— Заграничные.

— Случаем, не «Кью-н-кью»?

— Возможно.

— Тоже подарили?

— Зачем же... Купил.

Проще всего было бы спросить: «У кого?». Но этот вопрос уже не корреспондентский, а следственный. Поэтому я вновь покрасел, заговорив почти игриво.

— Геннадий Петрович, хотите угадаю, какой у вас бумажник? Пестрый, польский.

С некоторой рассеянностью сунул он руку в нагрудный карман и вытянул бумажник, походивший на пестрый лапоть. И что интересно, уставился на него, точно впервые увидел:

— Не знал, что он польский...

— Может быть, не знали, что он и пестрый?— спросил я не своим квакучим голосом, очень походившим на голос Оладько.

Смелости во мне явно прибывало, потому что анонимка подтверждалась на все сто процентов. Я смелел, а командант смурнел. Он

спрятал бумажник, убрал со лба растекшиеся белесые волосы и сухо заметил:

- Не понимаю смысла ваших вопросов.
- Вы жену любите?— задал я вопрос понятный.
- К чему вам это?
- Ответьте, а потом я объясню.
- Ну, люблю.
- А ребенка?
- Разумеется.

Я навис над столом, впился взглядом в его птичьи глазки и спросил прямо-таки грохочущим голосом:

- А второго ребенка любите?
- Какого второго?
- Того, который остался на станции Дубки?

Я, конечно, ждал, что комендант побледнеет и вспотеет. Но он поднялся с определенной решимостью и строго потребовал:

- Предъявите удостоверение!

Я предъявил. Комендант рассматривал его долго и прищуренно, точно целился в мою фотографию. От нечего делать я рассеянно взглянул по сторонам. Видимо, разговор обострил мой взгляд. Я хочу сказать, что за самоваром лежала какая-то красная ткань, проглядывавшая сквозь скомканный бугорок. Неизвестно что. Но, обостренный разговором, я уже не сомневался, что это женская одежда.

— Интервью окончено,— сообщил комендант, возвращая удостоверение.

- Почему?
- Мне не нравятся ваши вопросы. Всего хорошего.
- Уйду, только ответьте на последний...
- Ну?
- Что у вас лежит за самоваром?

Сперва он усталился в угол. Потом прыгнул туда и выдернул эту красную тряпку. Кофта, дамская кофта.

- Чья?— спросил у меня комендант.

— Думаю, той, которая подарила вам «Риччи-клуб» и «Кью-н-кью». Девушка из комнаты номер семьдесят два.

Комендант добежал до двери, распахнул ее и пронзительно крикнул в коридор:

- Татьяна Семеновна!

Полная женщина появилась скоро. Видимо, кастелянша.

Комендант, как красной тряпкой, перед быком, сперва помахал кофтой перед ней, потом передо мной, а уж потом и перед собой:

— Татьяна Семеновна, этот гражданин с какой-то целью подложил мне женскую кофту. Составим акт.

Татьяна Семеновна подседа к столу и взяла чистый лист бумаги.

- Кофта не моя,— удивился я такому повороту.

- А чья же?— вскинулся комендант.

— Наткина, из семьдесят второй комнаты,— миролюбиво заметила кастелянша.

- Что и требовалось доказать,— я теперь вскинулся.

- Как она сюда попала?— удивился комендант.

- Именно!— удивился и я.

— Можно спросить, Натка дома,— опять разрешила спор кастелянша.

Мы пошли гуськом, как по тропе войны: комендант с кофтой впереди, я с сумкой за ним, Татьяна Семеновна с листком чистой бумаги

замыкающей. Стукнул в дверь комендант нервно и как-то невыдержанно. Дверь открылась.

Мое сознание всегда запаздывает за ощущением. Поэтому я не сразу понял, кто стоит на пороге и смотрит на нас удивительно ясным взглядом...

Наташа, невеста Оладько.

7

В райотдел я буквально бежал и, видимо, походил на человека, забывшего выключить утюг. Несла меня нервная энергия: одна ее часть ударила в ноги, другая — в голову.

Анонимка подтвердилась буквально: и бумажник, и туалетная вода, и часы... Подтвердилась и связь коменданта с Наткой, что доказывала кофта, оставленная в кабинете. Видимо, раздевалась и второпях сунула ее за самовар. Отсюда логически вытекает убийство младенца на станции Дубки...

Я остановился, пораженный собственной дуростью. Часы, бумажник, ребенок... Разве теперь это главное? Спекулянтка и гулящая девица Натка — невеста Оладько!

Я уже не бежал, кажется, я даже стал прихрамывать, как подбитый жеребенок. Подбитый открытием. Но я тут же как бы охромел и на вторую ногу, подбитый вторым открытием: одно дело узнать тяжкую новость и совсем другое дело донести ее до того, кого она касается. Короче, как сказать Оладько?

Бедный капитан... Мнит себя знатоком любви, полагает, что к нему присохла Алиса, а не мог разобраться в собственной невесте. Плата за самомнение.

Добравшись до райотдела, я стал петлять вокруг да около, оттягивая тяжкие минуты. Разумеется, в моей голове кипели планы, как говорят политические обозреватели, по выходу из кризиса...

Заявить Виктору, что пойти в общежитие не смогу, например, по причине занятости, но там расскажут про мой визит, да и какая занятость, коли в отпуске. Признаться, что ни фига не понял в этих «Кью-н-кью» и Натках; Оладько не поверит, ибо хоть что-то же обязан был я понять. Преподнести все так, что анонимка не подтвердилась, но это уже будут ложные показания. Или пойти на полуправду: анонимка, мол, подтвердилась, и Натка есть, но умолчать, кто она такая. И пусть капитан на ней женится?

От бесцельного хождения в мои мысли вплеснулась новая свежая струя... Если я подтвержу анонимную информацию, то Оладько даст ей ход, скорее всего, отправит к следователю. Допустим, следователь не в курсе, что Натка имеет отношение к капитану. Но следователь выйдет на Дубки, на убийство ребенка. Невеста старшего оперуполномоченного уголовного розыска — убийца?

Дьявольский круг, не имеющий выхода. Поэтому я описал райотдел еще несколькими кругами, простыми, не дьявольскими, и решил остановиться на последней, полуправдивой версии — про Натку не говорить. Свадьбу отложили — помолчу и я.

Пожалуй, жизнь впервые столкнула меня с женским коварством. Видел девиц гулящих, пьющих, оторвистых, торгующих шмотками и своим телом... Но убийц собственных детей, терявших кофту у любовника, желавших выйти замуж за капитана милиции и после всего этого смотревших на мир глазами особой чистоты?.. Не видел я и столь ловких лицедеев, как этот комендант, разыгравший сцену удивления от засамоварной кофты. Зря не досмотрел спектакль с опознанием

кофты: комендант бы делал честную рожу, Натка бы строила чистые глаза...

В райотдел пришлось-таки войти. Оладько допрашивал со своим обычным ехидно-глуповатым выражением лица, прикидываясь простачком. Я глянул на него с жалостью — и верно простак. Мое настроение, и без того обреченное, упало донельзя.

Вызванный ушел. Оладько глянул на меня пристально, отхлебнул чаю и усмехнулся:

— Паука съел.

— Ты? — предположил я, потому что он чавкал.

— Нет, ты.

— Глупое предположение.

— Лицо у тебя кислое.

— Полагаешь, что пауки кислые?

— Не сладкие же?

Я смотрел в его лицо, представляя, каким оно может стать, узнай Витька про невесту. Мягким, распушенным, безвольным?.. Но кости чувствам не поддаются. Оно просто делается страшным. И я еще раз молча побожился не говорить правды.

— Витя, в Японии одна мамаша родила восемнадцатого ребенка.

— Бодрая супруга.

— Вот так, женишься, а жена нарожает...

— Как анонимка? — перебил капитан.

— Проверил. Я вот знаю случай, как один женился на дзюдонстке. Теперь в гипсе ходит...

— Что выяснил?

— Подтвердилось. У коменданта бумажник, «Кью-н-кью» и туалетная вода. Я тебе скажу, бывают девицы, особенно иногородние, которые идут замуж ради прописки...

— Спекулянтку нашел?

— Нашел. Одни подали заявление на брак, переходили улицу, и вдруг машина серьезно даванула жениха. Так невеста сбежала...

— Со спекулянткой говорил?

— Нет. А одна невеста по фамилии Торфяшкина...

— Почему не поговорил? — возвысил голос Оладько, чтобы остановить поток моих примеров.

— А что в ней интересного? Противная, как все спекулянтки.

— Хватит врать-то, — добродушно остановил меня капитан.

— В чем вру? — не понял я, потому что пока говорил правду.

— Моя Наташка симпатичная.

Я подавился. Интересный психологический феномен: не ел, не пил, не курил, не говорил, а подавился. Его словами. Поэтому начал кашлять, как и положено человеку подавившемуся. Оладько же тер костлявые скулы, и они под его ладонями вроде бы двигались шарнирно. Пожалуй, сильнее, чем обман, разозлили меня его глаза — голубые, невинные, чистые, как у невесты-спекулянтки.

— Выходит, ты меня разыграл?

— Отнюдь. Мне же неудобно проверять анонимку на собственную невесту.

— Но у коменданта есть все перечисленные вещи!

— Часы и бумажник он и верно купил у спекулянта, а французскую туалетную воду ему подарила Наташа.

— А ребенок в Дубках?

— Никакого отношения к обществу не имеет.

— Ну а кофту свою она тоже коменданту подарила? — наиехиднейше поинтересовался я.

- Кофту подкинул тот, кто написал анонимку.
- Кто?
- Тот, кто не хочет моей женитьбы.
- А кто не хочет твоей женитьбы?
- Разве не знаешь?
- Начальник Управления Внутренних дел?
- Нет.
- Тогда министр Внутренних дел.
- Нет, — серьезно возразил капитан.
- Ну, остается ЦРУ.
- Нет, Алиса.
- Алиса?
- Алиса.

Последнее время я замечаю за собой подозрительное состояние — какая-то потеря самого себя. Оно приходит сразу и похоже на катаlepsию души и тела. Мне вдруг чудится, что я попал в мир человекоподобных существ, говорящих на неизвестном мне языке. Ни я их никогда не пойму, ни они меня никогда не поймут. Не знаками же объясняться? Поэтому мышцы мои деревенеют, мысли застывают на прерванном течении и хочется сидеть так до скончания века. Может быть, это и есть нирвана? Или космическая усталость, или биологическая лень, или высшая степень непонимая мира?..

Но больше удивляло не это состояние, а перепад от катаlepsии к некоторому экстазу моего духа. И дело не в моем характере. Просто я знал, что где-то, на этой же самой земле, на которой мое тело сжимается от катаlepsии, легко ступает Алиса.

Сейчас мне следовало встряхнуться и еще раз открыть капитану глаза... Что Алиса не писала анонимку, что она не могла положить кофту за самовар, что она не знает его невесты, что ей плевать на эту женитьбу...

- Корреспондент, с Алисой надо окончательно разобраться.
- В чем? Про тайну с матерью знаем...
- А деньги? Откуда? Изъяли сумму, ее комната обставлена не на одну тысячу, отступного секретарше дала, шоферу заплатила, Пловская рожа, небось, у нее на зарплате, наверняка в общежитии кого-то наняла для фокуса с Натальиной кофтой. Деньгами швыряется.
- Нужно проверить Супера.
- Этих спортивных суперов в городе тысячи.
- От меня-то чего хочешь?
- Чтобы ты прошелся.

Видимо, оцепенение меня еще не покинуло — я не понимал капитана.

- Куда прошелся.
- По кабинету.

У меня не было сил вникать, поэтому я встал и как дурак заходил по комнате из угла в угол. Виктору в моей походке что-то не понравилось, ибо он цокнул языком с костяным звуком.

- Да, не «Супер-Перис».
- Что... не супер?
- Брючки-то заурядные.

На мне были хорошие коричневые брюки с золотистым рубчиком, правда, отечественные. Не варенки.

- Не шить ли тебе джинсы? — весело предложил Оладько.
- Есть они у меня.
- Будь другом, сшей еще одни.
- Спятил?

— Неужели тебя не тянет взглянуть, как работает Алиса?

Я понял его замысел. Тянула, меня так тянула к ней могучая и сладкая боль, что могла расплющить своей силой. Я согласился, готовый бежать немедленно. Виктор что-то нудно и долго говорил, видимо, инстинктивно, но все летело мимо моих ушей.

Отговорив, капитан глянул стакан на свет и удивился: —

— Ну и Надригайло! Чай-то не индийский, а грузинский.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Времена года устают. Им надоедает собственная арифметическая последовательность, и они берут что-то вроде краткого отпуска. Чаще всего в конце августа. Не зима и не весна, но уже не лето и еще не осень. В лесу ни ветра, ни звуков, ни движения. Лишь сладковатые запахи увядающих цветов и лежалых трав. Солнце делается крупнее, ласково расплывается, и земля походит на оранжерею, где все вечное — и вечнозеленые растения, и вечность времени.

В такие дни и в городских парках все лениво: из последних сил скрипят карусели, шпаннстые подростки возлежат на скамьях бессильно, в ларьках нет мороженого... И на улицах люди треножат шаг и ржут по магазинам без былой прыти.

В такие дни едут в отпуск. Сосед, старик Кандыбко, отправился в какой-то хитрый пансионат, где кормили с утра до вечера. Мариночка Торф, из отдела искусства, едет за границу на пески, правда, скрывает и страну, и то море, которое омывает пески. Сашка Зуйкин, мой сокабинетник, надумал податься на месяц в тайгу собирать кедровые орешки...

Я же в эти августовские ленивые дни шел в брючный кооператив. Нет, не ради Оладьки, потому что в истории с анонимкой я все-таки выглядел губошлепом. Ради Алисы.

Наслышанный о богатстве кооперативов, я ждал неона, красного дерева и японского телевизора...

Скудная вывеска «Брюки». Узкое окно, зашторенное грузной зеленой тканью, словно забитое выкрашенной фанерой. Две ступеньки из обглоданного кирпича. Простенькая, почти квартирная дверь, выходящая прямо на панель.

Я открыл ее...

В десятиметровой комнате та же скудость. Пять стульев да стол приемщицы. Лишь какое-то пружинистое растение, ползущее по стенке к потолку тонкими усиками-щупальцами.

— Добрый день, — сказал я приемщице.

— Здравствуйте, — равнодушно отозвалась она.

Простенькая девица лет двадцати пяти со старомодной прической типа «улитка».

— Брюки сшить можно?

— У нас кооператив.

— Знаю.

— Цены приличные.

— Отговариваете? — удивился я.

— Предупреждаю, чтобы потом не обижались.

— Предупреждение замечано.

— Наш адрес кто-нибудь подсказал или сами нашли?

— Просто увидел вывеску.

— Сейчас позову мастера...

Она вышла в узкую дверь за столом. Я начал ждать, упираясь взглядом в то самое ползучее растение. Но узкая дверь не замешкалась. Я намеревался увидеть лысого дядю или солидную мадам с мягким сантиметром на шее — короче, ждал мастера. Но передо мной стояла девушка, похоже, только что сошедшая со сцены, где участвовала в конкурсе красоты на какую-нибудь мисс Очарование. Она лишь успела накинуть поверх купальника что-то вроде эфирной кисеи. Вернее, это был халатик из ткани, походившей на полупрозрачное стекло, которое ставят на дверях. Все это — прозрачность, открытость — делались ради фигуры. И она стояла того. Впрочем, мимо лица тоже не пройдешь: черные взбитые волосы, темные восточные глаза, кроваво-красные губы и тонкий носик, трепетно дрожащий, как и прядка, брошенная на лоб.

Девушка оглядела меня придирчиво, словно решая, достоин ли я брюк их кооператива. Или изучала конфигурацию тела, уже примериваясь?

— Пройдете в закройщицкую, — предложила она неожиданно суровым для мисс Очарование голосом.

В ту самую низкую дверь. Настоящая закройщицкая: манекены, образцы тканей, ножницы и, конечно, мягкий сантиметр. Или метр? На стене цветной плакат с названием деталей брюк, вроде тех, что висят в мясных магазинах с обозначением частей туш.

— Какие хотите брюки?

— Обыкновенные, мужские.

— Обыкновенных брюк не бывает.

— А какие? — слегка растерялся я.

— О-о-о, — баритонально пропела она. — Брюк столько, сколько характеров.

— Характер у меня покладистый.

— Брюки для работы физической, брюки для труда интеллектуального, брюки для спорта, брюки для прогулок, брюки для бизнеса, брюки для посещения выставок, брюки для коктейля...

Я молчал от столь неожиданного изобилия казалось бы такой простой вещи, как элементарные штаны. Она же прощупывала меня взглядом, будто сомневаясь, достоин ли я хоть каких-нибудь из этих брюк. Меня подмывало, дабы не выбиться из красного брючного ряда, заказать брюки для игры в гольф. Но я сказал правду:

— Мне нужны брюки для сидения.

— Какого сидения?

— За столом на стуле.

— Порты, что ли?

— Ну почему же...

— Может быть, вам пойти в государственную мастерскую? — предложила закройщица с долей безразличия.

— Нет, — бросил я почти испуганно. — Для сидения, но чтобы брюки с изюминкой.

— Хотите сказать...

— Именно, — перебил я, сам не зная, что хочу сказать.

— Значит, брюки для интима?

— Для него.

— Пойдемте в примерочную, — сказала она голосом, в котором тональность изменилась на воркующе-простуженную.

Я как бы шлюзовался вроде корабля. Сперва приемная, потом закройщицкая, теперь вот примерочная. Я и попал в каюту высококлассного белого парохода: стены обиты искусственной светлой кожей,

висячий потолок, низенькие диваны, вкрадчивый торшер... Поразило даже не убранство, а разница между этой комнатой и двумя предыдущими. И отсутствие каких бы то ни было портняжных принадлежностей. Впрочем, для обмера человека нужен мягкий сантиметр. Но и его я не видел.

— Минеральная, пепси, чай со льдом?— спросила закройщица все тем же утробно-нежным голосом.

Видимо, мое лицо от всего этого изыска так простецки распустилось, что она кратко разъяснила:

— Сервис.

— Тогда пепси,— решил я, потому что минералку не любил, а чая со льдом никогда не пробовал.

В стене оказался бар, скрытый, как засекреченный сейф. Она попорхала в нем ручками, после чего на подносике возникло два бокала. С некоторой ошарашенностью хлебнул я напиток, тоже не совсем обычный — пряный и колкий. Видимо, от громадного кубика льда. Если этаким сервис, то каковы же брюки?

— Стелла,— сказала она, протягивая руку.

— Максим,— представился я, вспомнив слова Алисы, что в ателье работает Стелла Порожук.

— Зови меня просто Светой.

— Тогда я тоже элементарный Макс.

Не выпуская мою руку, она села на диванчик. Пришлось и мне опуститься рядом в такой близости, что наши бокалы чуть ли не соприкасались тонким стеклом.

— Макс, был на выставке эротического фото?

— Не успел.

— Клевый секспризыв.

— В каком смысле?

— Крутая сексуха!

— Уже поднадоело.

— Но воспитывает.

— Каким образом?

— Молодые люди никогда не видели женского тела.

— Ну и что?— показал я, вероятно, крутейшую необразованность.

— Макс, да ты лох. Парень увидит и растердается.

— По-моему, он и должен растеряться, увидев впервые обнаженную женщину.

— Лох он и в Африке лох,— в сердцах бросила она.— Да вся молодежная преступность от того, что от ребят скрывают секс!

Стелла вскинула руку. Я легонько отпрянул, боясь получить оплеуху за сокрытие секса от молодежи. Но рука пошла куда-то за ее голову, за черный сполох прически — и дернула шнурок. Стена поехала. Вернее, поехала в сторону матерчатая шторка, наподобие тех, которыми в штабах закрывают карты. Под шторкой оказалась не военная карта...

Подсвеченный фотопортрет сидящей голой женщины в натуральную величину.

Похоже, что налитая плоть эллипсоидных грудей и чуть раздвинутая мякоть бедер медленно двигалась на меня. Но это был лишь первый гипнотизированный миг. Второй оказался не слабее — на фотопортрете красовалась обнаженная Стелла.

Я перевел взгляд на нее, на живую — бордовый рот смялся в улыбке, как расплющенный помидор. Комната, не имевшая ни одного окна, вроде бы начала светло и радостно расширяться. Я залпом выпил колкое пепси и несвязно предложил:

— Замеряться, то есть обмеряться... будем?
— Лучше хорошо отдыхать, чем плохо работать.
— Чей афоризм?
— От современного мужчины ни афоризма, ни комплимента не дождешься.— капризно проворковала Стелла.

— Комплименты... про что?

— А разве не про что?

И с лживой грацией она высвободила из-под ткани загорелые плечи так свободно, что эта самая ткань, похоже, удерживалась лишь острием груди. Кажется, я икнул. Ото льда. Моей бессвязной голове только не хватало сочинять комплименты. Но ее восточные глаза требовали, а ткань едва держалась на упругом острие...

Избегая смотреть на плотские тела фотопортрета, я заговорил поромантичнее, коли уж комплимент:

— У тебя не взгляд, а взор...

Стелла кивнула ободряюще.

— Не губы, а уста. Не тело, а стан. Не грудь, а...

Сознание, затуманенное колким пепси, никак не могло вспомнить эти чертовы перси.

— Не груди, а сиси.

Я ждал обидчивой реплики. Но в комнате, по-моему, переместился свет. Я глянул на фотодевицу — вместо нее была стеклянная чернота, как в окне заброшенного дома. Тогда мой взгляд побежал за перемещенным светом...

Закройщицу теперь освещала и вторая, более сильная лампочка торшера. Прозрачная ткань одежды растворилась в ярком свете, высвободив грудь без лифчика и бедра без... Фотомодель спустилась со стены на диван, как святая с небес. Она, живая модель, придвинулась и потрепала мои волосы:

— Лохик ты мой!

— И ты... моя лохиня...

— Всего триста рубчиков.

— Всего... триста?

— Полтораستا стоят брюки.

— А еще полтораستا? — снаивничал я.

— За пепси.

— Дороговато.

— Что дороговато?

— Пепси.

— Оно с водкой.

И, опередив немую растерянность клиента, Стелла потянула меня к себе, вернее на себя, с ласковыми словами:

— Не валютой берем, а «деревянными».

— У меня нет денег, — нашелся я.

— В каком смысле?

— Вернее, не взял с собой.

Она села твердо. Прозрачная одежда запахнулась автоматически и, по-моему, стала менее прозрачной.

— В кредит не шьем.

— А завтра?

— Сколько у тебя с собой?

— Полсотни.

— Давай за пепси.

Я хотел было задать экономический вопрос насчет перехода к рыночным отношениям, а именно: не дороговато ли платить пятьдесят рублей за бокал коктейля? Но она опередила:

— Ну, и аванс. Приходи завтра. Только закройщица будет другая.

— Другая?

— Да, блондинка.

Я вскочил с борзой резвостью. Но Стелла ухватила меня за до-
лу куртки:

— Крутые джентльмены без денег не ходят.

— Я не сильно крутой...

— И после бритья не употребляют гвоздичный одеколон.

— А что употребляют?

— «Живанши джентльмен».

Она замешкалась, что называется, по хозяйству: пересчитала мои деньги, спрятала бокалы... Видимо, я вышел не в ту дверь и оказался в коридорчике, где этих дверей было несколько. Я толкнул одну, и сердце мое упало...

В пустоватой комнате Алиса одиноко строчила на машинке. Пре-
возмогая содрогнувшее меня желание броситься к ней, я захлопнул
дверь и выскочил из ателье.

2

Говорят, крысы до того разумны, что умеют прогнозировать. Экспериментатор перемещал пищу за стенкой вдоль дырок, и крыса бежала именно к той дыре, где скрестится ее скорость со скоростью пищи. Вычисляет. Прогнозирование — один из признаков ума. Допустим, я не крыса и никудышный прогнозист... Но воображение-то у гадетчика должно быть? Впрочем, воображение — это тоже прогнозирование, но с меньшим количеством данных.

Данные были. Например, настойчивость Оладьки, понукавшего меня шить брюки. Какое ему дело до моей одежды? И пора бы усвоить, что все, связанное с Оладькой, непредсказуемо и чревато черт знает чем

Разумеется, я мчался в милицию...

Оладько беседовал с каким-то парнем. В подобных случаях приходилось торчать в коридоре, учитывая секретность оперативной работы. Но в этот раз капитан поманил меня широким жестом, означавшим, что можно присутствовать. Я проворно юркнул за стол мифического лейтенанта Надригайло.

Парень, примерно моих лет, чувствовал себя худо: он ежеминутно шевелился, будто усаживался на стул заново. Зато Оладько, по моему, чувствовал себя неплохо, осклабившись во весь рот:

— Сам пошел?

— Мишка Лариохин навел, — с неохотой выдавил парень.

— Как?

— Сходи, говорит, не пожалеешь.

— А брюки-то были нужны?

— Само собой.

При слове «брюки» я насторожился, как зверь от шороха.

— Пришел и сказал, что от Лариохина?

— Она не спрашивала. Только узнала, есть ли у меня деньги. Брюки, говорит, дорогие.

— Так, дальше.

— Пошли в примерочную. Там дизайн по первому классу. Налила пепси. Начались соблазнительные сцены...

— Какис?

— Сами понимаете, как мужчина. Чуть не разделась.

— Ну и?..

— Ну и произошло. Если сама лезет.

— Во сколько обошлось?

— В сотнягу.

— А брюки?

— Какие там брюки...

— Ладно, на эту тему еще поговорим.

Парень зашагал к двери. Я вскочил, поднятый желанием его остановиться. Зачем? Поделиться опытом? Порасспросить? Или задать страшный вопрос о девушке, одиноко шьющей в одинокой комнате?

Но капитан, осадив меня своим костлявым жестом, сам пошел за парнем в коридор. Вернулся он с человеком, севшим на стул с какой-то чинностью. Оладько же спросил его простовато:

— Алексей Алексеевич, теперь давайте с подробностями...

Пожилой мужчина, подтянутый и худощавый — скорее всего, отставник, — начал говорить с достоинством, в котором нет-нет, да и прорывались обидчивые нотки.

— Знаете, костюм теперь купить проблема. Сошью, думаю, брюки. Ну, сел на телефон. Справочная дала номер телефона ателье. Звоню. Голос ответил вежливый до непривычности. Пожалуйста, мол, любые брюки, а сколько вам лет?

— Это зачем? — спросил Оладько.

— Объяснили, что для выбора фасона. Чтобы не шить молодежных. Сказал, что за пятьдесят. Тогда девушка интересуется насчет моей жены...

— А это к чему?

— Тоже объяснила. Бывают случаи, что муж закажет брюки, они заказ выполнят, принесут домой, а жена возвращает со скандалом. Я посмеялся. Говорю, разведен, живу один и возврат брюк им не угрожает. Тогда девушка уже прямо-таки ласково сообщает, что в их ателье есть форма обслуживания на дому. Придут, снимут мерку, покажут образцы материала...

— Вы не удивились?

— Чего особенного? Кооператоры заинтересованы в клиентах. Дал адрес. Вечером звонок в дверь. На пороге стоит девушка. Подумал, что ошиблась дверью.

— Почему? Ведь ждали.

— Видимо, из-за стереотипности мышления. Швея, рабочий халатик, в руке утюг, в губах булавка... А передо мной стояла такая яркая особа, что я лишь молча разглядывал. Ну, и спрашивает как бы шутя, накрыт ли стол.

Мужчина умолк и как-то рассеянно глянул на меня, словно засомневался, можно ли дальше рассказывать при постороннем. Я не вытерпел:

— Беленькая или черненькая?

— Рыженькая.

Оладько, показав мне кулак, прикрытый газетой, поощрил свидетеля:

— Итак, спросила про стол...

Дело, оказалось, не во мне. Мужчина медлил с ответом, а когда заговорил, то в его словах возникла какая-то натужность, точно они сильно потяжелели:

— Я впустил ее в квартиру и послушно начал хлопотать. Кофе, конфеты, сыр, коньяк...

— Почему же, Алексей Алексеевич?

— Для самого загадка. Сперва подумал на порчу...

— Какую порчу?

— За месяц до этого случая вот также пришла цыганка и приста-

ла со своим гаданьем. Дай, говорит, иголку и яйцо. Я дал. Она положила их в кулак. Когда разжала, то иголка покраснела, а яйцо почернело. Цыганка заверила, что это верный признак порчи. Теперь, поразмыслив, свое поведение с девушкой объясняю иначе... Моя жена была некрасивой и злобной. И я до сих пор боюсь некрасивых сердитых женщин. И, видимо, психологически готов подчиниться красивой и ласковой. Плюс мое одиночество.

Алексей Алексеевич замолк, похоже, так и не разобравшись в своих помыслах. Я тем более молчал, потому что был лишен слова. Молчал и Оладько, давая свидетелю возможность понять эти самые помыслы. Но капитан паузы не додержал:

— Ну, и подчинились, Алексей Алексеевич?

— Возможно, подчинился бы, и все бы кончилось естественно. Но она меня испугала.

— Чем?

— Наверное, торопливостью. Коньячные рюмочки у меня маленькие, граммов на тридцать. Она их опрокидывала, как семечки лущила. Но дело не в этом... Выпила первую — скинула туфли, после второй сняла кофточку, после третьей начала расстегивать лифчик... Не успел я ничего сообразить, как вижу, что сидит у меня на диване голая девица. Меня коньяком, как обухом: господи, да это же проститутка! Дошел Алексей Алексеевич до ручки. Я делаю поворот на девяносто градусов и требую покинуть квартиру. Вот такая постыдная картина.

— Ушла-то спокойно?

Алексей Алексеевич замаялся, что выразилось в продолжительной паузе и какой-то слабости его твердой осанки:

— Потребовала денег.

— За что?

— За визит.

— Дали?

— Пригрозила. Если не дам, то завизжит и посадит меня за изнасилование. Сунул полсотни от греха подальше.

— Алексей Алексеевич, спасибо.

После ухода мужчины я, само собой, вопросительно уставился на Оладько. Оладько подошел к окну и вопросительно уставился на трактор К-700, притормозивший у милиции. Я ждал, капитан насвистывал песенку про розовые розы, трактор пытел черным дымом. Минуты две, не меньше.

— Почему не расспросил о внешности девицы? — не выдержал я.

— Зачем?

— Наверняка та, которая принимала меня.

— Другая.

— Откуда ты знаешь?

— Они все проститутки.

— Как... все? — спросил я обмякшими губами.

— Знаешь, как раньше деликатно называли проституцию? Удовлетворение общественного темперамента. Штопор, тебе повезло. Какая тема, а? Под вывеской кооператива существует дом терпимости. Могу подкинуть заголовок статьи: «Дамские штучки в мужских брючках». А?

— Не трепись...

— Ваш брат журналист любит пикантные темы.

— Не пикантные, а социальные.

— Разве? Есть так называемые «ляльки», проститутки, которым лет по двенадцать-четырнадцать. Родители их пьют, сами «ляльки» замухрышты, неодеты, живут с парнями за еду... К гостиницам и

близко не подпускают. Вот про этих ни пьес, ни книг, ни фильмов. Скушно — не интердевочки...

Но я уже не слушал. Алиса работает в тайном публичном доме? Если это так... Почему «если», когда я только что из... Как зовутся комнаты для любовных утех? Приемные, свидальные, сексуальные?.. Если все так, то я ничего не понимаю. И если все так, то почему этот длинный дурак спокойно разглядывает трактор К-700, а не принимает мер? Или он запутался в собственных оперативных играх?

— Какого черта не разгоняешь притон?— сорвался я на крик.

— Как это не разгоняю... Провели бухгалтерскую ревизию.

— При чем тут бухгалтерия, когда речь идет о публичном доме?

— Брюки-то шьют. За полгода сто тридцать штук. На десять швей. Пара брюк в месяц на швею. Какова производительность, а?

— Больше занимались любовью.

— Нет, Максим. Они вообще не умеют шить.

— Покупали на стороне?

— Нет, сто тридцать брюк произведены в ателье.

— Тогда не понимаю...

— Брюки шьет один человек.

— Кто?— быстро спросил я, уже догадываясь.

— Да, Алиса. И ей за это щедро платят — лишь бы прикрывала.

Перед моими глазами колыхнулась полупустая комната со швейной машинкой посредине, за которой строчила Алиса. Только сейчас эту комнату как бы осветил зловещий свет — красный, вернее, темно-бордовый, идущий от скрытого, преисподнего огня. Я знал, что Алиса не проститутка, пожалуй, я знал, что Алиса даже недотрога... Но как можно существовать среди тех блондинок и брюнеток и сидеть в тех стенах, освещенных преисподним огнем?

— Можно с тобой?— спросил я, вскакивая.

— Куда?— удивился Оладько.

— Туда, разгонять.

— Не штопори.

— А ты не дрыхни на ходу, как Мерин!

— Нужно найти хозяина.

— Как «хозяина»?

— У этого ателье есть крутой сутенер.

— Плоская рожа?

— Шестерка.

— Супер?

— Возможно.

— Ну, ты поразмышляй...

Я выскочил из кабинета, потому что не мог спокойно умствовать, когда на Алису падали блики темно-бордового подземного огня.

3

В спешке думать некогда. Но если спешить на автобусе и тедо сдвлено толпой бездельно, то мысли оживают. Опять-таки о превратности судьбы Алисиной.

Казалось бы, все при ней. Молодость, здоровье, красота, ум, кошки... Раньше я считал ее лодырем, а мне уже было известно, что без труда ни одно из перечисленных качеств не заиграет — даже красота. Но теперь-то я знал, что Алиса вкальвает за целый коллектив. Тогда что же делает ее жизнь изломанной и кривой, точно березку в тундре? Какие арктические ветра? Или это судьба превратничает? Неужели

факт дикого появления на свет может определить жизненную дорожку?..

И мне, сдавленному в автобусе, захотелось плакать от жалости к существу, которое вроде бы не родилось, а произошло от холодильника. Потому и ходит по свету неприкаянно. Говорят, что жалость — это любовь. Ничего близкого. Жалость размягчает волю, любовь движет на поступки. Поэтому я растиснул толпу, выпрыгнул из автобуса и побежал в ателье, ибо мне предстояло действовать. Я не знал «как», но я знал «зачем» — вытащить Алису...

Сперва я глянул в чуть приоткрытую дверь: нет, приемщица другая. Я подошел к ней и спросил крепким голосом своего человека:

— Как бы увидеть Алису?

Приемщица долго молчала. Прическа закрывала лоб лохматым рыжим валиком, и я не мог понять, глаза ли у нее рыжие, или это волосы в них отсвечивают. Так и не промолвив ни слова, она встала и пошла к уже известной мне комнате. Мы вошли. Алиса сидела за машинкой: приемщица сменилась, я побывал в райотделе, а Алиса сидела все так же согбенно и одиноко. Она подняла голову, глянув на меня невидяще, как на вчерашний пар. Я улыбнулся и спросил:

— Не узнаешь?

— Как же, помню. Вы шили брюки из бязи?

— Нет...

— А, из плащевки. Что, шлефка оборвалась?

— Нет, я...

— Значит, гульфик?

— Нет.

— Лейбла не нравится?

— Молния барахлит, — нашелся я.

— Надо же, а японская. Принесите, замену.

Алиса равнодушно опустила голову и застрекотала машинкой. Я выкатился из ателье, вовремя сообразив, почему Алиса меня не узнала. Из-за рыжеглазой, надзиравшей за нами по-тюремному.

На сколько метров отошел я от входа? На пять? Странная егла заставила обернуться... Плечистый парень в черных брюках и в черной рубашке, с короткими черными волосами — все это слившееся от скорости в какой-то темный треугольник — пролетел в прыжке ступеньки и скрылся в ателье.

Говорят, интуиция у того сильнее, у кого больше жизненного опыта. Сейчас моя безопытная интуиция, если так можно сказать, встрепенулась. Впрочем, это мог быть неосознанный страх. Но почему? Клиент пришел сшить брюки...

Я свернул за газетный киоск и стал там вкопанно. Подчинился интуиции. А зачем? Бесплодный вопрос, поскольку ни смысла, ни объяснения у меня не было. Когда осеняет интуиция, то мысль уходит. Вернее, наоборот: когда уходит мысль, то осеняет интуиция. (Неплохо сказано: как латинская пословица.) Впрочем, мыслишка под интуицией оказалась — последить за «черным треугольником».

В газетах и журналах за стеклом я прочел массу текстов. Одни, по-моему, даже на венгерском языке. Когда же киоскерша стала на меня коситься, пришлось купить газетку по обмену жилплощади. Время шло. День перевалил на вечер. Я штудировал объявления и нашел оригинальный вариант — меняли комнату в коммуналке на меховое манто...

Он буквально выпрыгнул из ателье, как, впрочем, и выпрыгнул в него. За ним не гнались — такая походка. Скорая, сильная, с каким-то нажимом на ступню. По-моему, так ходят любители борьбы, в ко-

торой больше работают ногами — бьют пяткой в ухо или запрыгивают противнику на плечи. Зато мои шаги были нечто среднее между походкой девушки на высоких каблуках и мягким перебором кошачьих лапок. Короче, я выглядел детективом из комедийных фильмов. Если бы парень обернулся, то засек бы меня вмиг.

Но пройдя короткий квартал, парень свернул во двор и вошел в парадное. Я ринулся за ним, бесшумно приоткрыл дверь, пролез бочком... Он поднимался на какой-то верхний этаж. Я тоже пошел, пробуя отрываться не больше чем на пару лестничных пролетов, — пусть не узнаю его квартиру, но хотя бы определю этаж...

Где-то на уровне четвертого этажа парень остановился. Я тоже замер. Он звякнул ключами, присвистнул и вдруг начал спускаться. Скоро, перелетая ступеньки. Я стоял, по-моему, на лестничной площадке третьего этажа в остолбенелой растерянности. Бежать вниз? Увидит, заподозрит и догонит... Решали секунды...

Я шагнул к одной из трех дверей и нервно надавил кнопку. Тот, кто услышал звонок, был у самой двери, потому что она сразу же распахнулась. Тот, кто услышал звонок, оказалась толстой тетей лет пятидесяти с отвислым подбородком и такими крутыми щеками, что они выглядели тоже двумя подбородками, нарощими по бокам лица. Женщина глянула на меня злобно-вопросительно. В этот момент парень достиг нашей площадки. Решали секунды. Когда решают секунды, а не сознание, то выходит непредсказуемо...

Я развел руки, шагнул в переднюю, обнял тетку и чмокнул в щеку, то есть в один из боковых подбородков, крепкий, как наростовая чага на березе:

— Здравствуй, милая!

Тетка взвизгнула так, что высокий звук побежал по всей лестнице. Парень остановился вровень с нами. В глубине квартиры хлопнула доской: видимо, упал отброшенный стул. И мне стало не до парня, потому что появился мужик в майке, роста небольшого, но узловатый, будто пророс корнями какого-нибудь баобаба. В руке-корневище он держал крупный деревянный молоток, бьющая плоскость которого представляла зубцы вроде тех, которые милиция кладет на дорожку, дабы проткнуть шину угонщика. Поскольку женщину я все еще прижимал к себе, мужик долбанул меня молотком в лоб с бревенчатой силой этого самого баобаба...

Квартира пошатнулась. Правый глаз застелила слеза. Сперва я понял, что это не молоток, а мясное отбивало. Потом мне захотелось объяснить, что я не так понят. «Здравствуй, милая!» сказано по линии тети — племянника, а не в смысле любви. В конце концов, мне захотелось сесть на лестничную площадку и чуточку отдохнуть. Самое страшное заключалось в том, что, имея столько догадок и желаний, тетку из объятий я не выпускал. Поэтому мужик замахнулся еще, уже с особой свистящей силой.

— Хватит, папаша, — веско бросил парень, перехватывая его руку.

И, взяв меня под локоть, повел вниз. После удара мясной колотушкой интерес мой к жизни несколько притупился. Но все же я понял, почему мой спаситель неожиданно повернул обратно — забыл глянуть в почтовый ящик. Глянув теперь, он спросил:

— Круто мужик припечатал, а?

— Есть маленько.

— Топать-то можешь?

— Как-нибудь.

— Пойдем, вылечу, — решил он, вновь увлекая меня наверх. — Морда у тебя располагающая...

Я не стал уточнять, к чему располагает моя морда, тем более, что один мордорасполагающий предмет был уже известен: дубовое отбивало. В моей расколотой голове мелькнуло другое... Импульсивная глупость — страстное объятие тетки — привели к результату скорее, чем хитрsumная тактика. Короче, я вошел в квартиру того, кого пре-следовал.

— Пей, — велел он, налив приличную рюмку.

— Что это?

— Водка.

— Я водку-то не очень...

— А виски у меня нет. Пей, сразу полегчает.

Я вспомнил, что, в сущности, нахожусь на задании — и хлопнул рюмку махом: За что получил ломтик плавленного сыра. Хозяин квартиры тоже выпил, но вместо закуски протянул мне руку:

— Сара.

— Как... Сара?

— Саша, но друзья зовут Сарой.

— Макс, — представился и я.

Он был выше меня на полголовы. Если бы пришлось его рисовать, то я бы одной линией бросил на бумагу фигуру, устремленную вперед, вроде спринтера в беге. Щетинистые черные волосы, крупный острый нос, торчащий кадык, выпуклые глаза — все это как бы на что-то нацелено. На меня.

— Любишь мясо? — спросила, то есть спросил Сара с игривостью.

— И рыбу люблю, — попробовал я уйти от мясной темы.

Он хохотнул и легонько хлопнул меня по плечу — плечо легонько зануло:

— Уклоняешься?

— От чего?

— От мясового разговора.

— С чего ты взял, что я люблю мясо?

— Сам видел.

— Как, я ел мясо?

— Ты чего крутишь из себя Жору? — насупилса Сара.

— Меня звать Максимом.

— Именно. А крутишь из себя Жору.

Сара взял бутылку, налил наши рюмки и поднял свою. По семьдесят пять граммов в каждой. Итого выпью сто пятьдесят плюс контузия. Но мне не хотелось крутить Жору. Выпив и сжевав положенный ломтик плавленного сыра, я осмелел:

— Сара, где же ты видел, как я кушал мясо?

— Не ел, а тискал.

— Мясо?

— Бабу с третьего этажа!

Тогда легче, тогда он про меня ничего не знает. Я уже начал придумывать историю нашей с теткой любви. Но мне пришлось быстренько переключиться, потому что Сара спросил:

— Где крутишь бизнес?

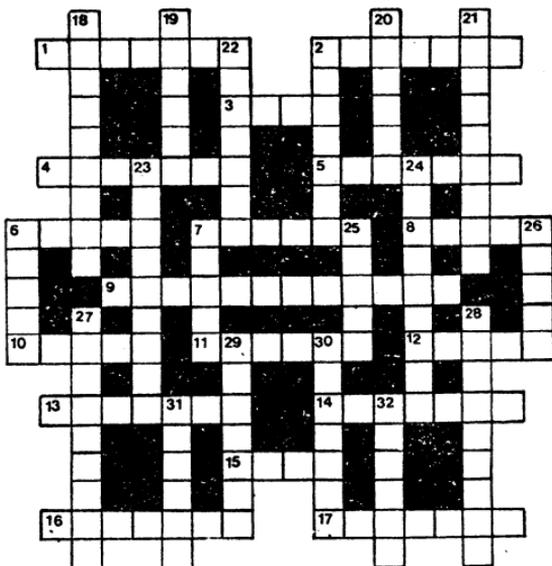
— Баньщиком в бане.

Я приготовился к расспросам насчет заработка, мыла, веников... Звонок нас перебил. Хозяин квартиры пошел в переднюю, шелкнул замком и вернулся не один...

Рядом с ним стояла Наташа, невеста капитана Оладыко.

(Окончание следует.)

Кроссворд КАРАНДАШОМ ПО ПЕРЕСТРОЙКЕ!

По горизонтали: 1. Остров в Финском заливе, пока еще собственность России. 2. Человек, не равнодушный к своему отечеству. 3. Событие, произошедшее в августе 1991 г. 4. Научный труд и в доперестроечные времена. 5. То, чем страдают политики высокого ранга. 6. Человек, засылаемый в суверенное государство с разведывательными целями. 7. То, из чего состоят законы, бурно обсуждаемые в парламентах. 8. То, чего не всегда хватает нашим политикам и государственным деятелям. 9. Выкуп чего-либо в собственность. 10. Художник, о творчестве которого в полный голос заговорили во времена перестройки. Родился в Витебске, умер во Франции. 11. Один из кандидатов на пост президента России. 12. Курортный городок на родине бывшего первого секретаря бывшей российской коммунистической партии. 13. Способ воспроизведения печати, которым активно пользуются кооперативные издательства. 14. Город в Поволжье, который в скором времени может стать немецким. 15. То, во что разлетаются, развеваются мечты о лучшей жизни. 16. Деликатес, подаваемый гостям на многочисленных презентациях. 17. Советник президента СССР, один из идеологов перестройки.

По вертикали: 18. Переориентировка военно-промышленного комплекса. 19. «Табельное» оружие участников «тусовок». 20. Процесс, происходящий с «ценными мозгами» в последние годы. 2. Ритуал, оказываемый функционерам и начальникам в доперестроечное время. 21. Светлое будущее, которое особенно близко было во времена Н. С. Хрущева. 22. Человек со значком, герой телевизионного экрана во время съездов. 23. Народная должность, которая была отменена во времена перестройки. 24. То, что опять появилось на наших улицах из далеких 1905 и 1917 годов. 6. Мемориальный памятник (не из камня) в окрестностях Санкт-Петербурга, неоднократно сжигаемый дотла в годы перестройки. 7. Орган власти от районной до Верховной. 25. Один из узников «Матросской тишины». 26. То, чего не могут удержать на должном уровне изделия отечественной промышленности. 27. Шахтерский город на острове губернатора Федорова. 28. Президент одного из суверенных государств на территории бывшего СССР. 29. То, на что неохотно идут депутаты в спорах с мэриями и с другими органами исполнительной власти. 30. Региональное сообщество, о жизни и быте которого мы стали узнавать только в годы перестройки. 31. Государство в Европе, родина мафии. 32. «Почетный эскорт», сопровождающий некоторых граждан в места не столь отдаленные.

ВАДИМ КРЕЙД

**МАРИНА ЦВЕТАЕВА И
«СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ»**

В начале 1933 г. М. Цветаева послала оттиск своего очерка «Живое о живом» Маргарите Васильевне Сабашниковой, первой жене Волошина. Этот очерк был посвящен памяти незадолго до того (11 августа 1932 г.) скончавшегося в Коктебеле большого русского поэта. «Творчество Волошина, — писала М. Цветаева, — плотное, весомое, почти что творчество самой материи, с силами, не нисходящими свыше, а подаваемыми той — мало насквозь прогретой, — сожженной, сухой, как кремень, землей, по которой он так много ходил и под которой ныне лежит».

«Живое о живом» было опубликовано в «Современных записках», где М. Цветаева печаталась долго и много.

В апреле 1933 г. в Кламар под Парижем, где жила тогда Цветаева, пришло от М. В. Сабашниковой ответное письмо. Тогда же Сабашникова написала об очерке Цветаевой и другой своей корреспондентке — Марии Самойловне Цетлиной. Поскольку письмо это еще никогда не публиковалось, приведу его целиком.

28.III.1933, Stuttgart

Милая Мария Самойловна,

В последний раз мы говорили с Вами в Москве в октябре 17-го года. Вы позвонили мне по телефону, спрашивая, есть ли у меня запасы еды и предлагали мне послать что-нибудь на Новинский бульвар с Собачьей площадки. Разговор пресекался, потому что оборвались провода, и я не успела Вас тогда поблагодарить за эту заботу.

Когда получилось известие о смерти Макса и мне стали посылать эти плоские и частью издевательские статьи о нем, мне хотелось найти Вас, и, зная, как Макс любил Вас обоих и как Вы с ним были дружны, просить Вас что-нибудь сделать, чтобы сохранить его образ, таким путем искаженный в эмиграции.

Неужели мало его мученичества в Советской России!

Между тем я получила от Марины Цветаевой ее прекрасные воспоминания о нем. Это миф о Максе, то есть правда о нем. Для многих эти воспоминания были большим удовлетворением. Макса больше знают и ценят в культурном мире, чем это можно думать. Один известный немецкий композитор, живший всегда в России, побывав теперь в Париже, где исполнялись его вещи, говорил мне, что в эмиграции подчас так же преследуется все

духовное, как в советской России. Я поверила ему, когда увидела, что вычеркнула редакция «Современных записок» из воспоминаний. Это такое же безвкусице, как если бы в равнинских мозаиках замазали золотой фон. Все остальное без конца, который целиком вычеркнут, просто не имеет смысла, или имеет стиль анекдотов. Я слышала, что Вы имеете отношение к «Совр. запискам» и хотела просить Вас заступиться за Макса, спасти его истинный образ.

Помните, каким верным другом он был всегда: он бы за каждого из нас заступился, и я думаю, что во имя этой дружбы Вы, верно, что-нибудь можете достичь в этом направлении. Эти последние страницы воспоминаний, как завет самого Макса — лучшее, что он дал нам. Это, действительно, «живое о живом!» И нужное душам, захлебывающимся в болоте.

Я не знаю констелляции «Совр. записок», от кого там все зависит, и пишу Вам на авось, в надежде, что Вы все сделаете для памяти друга, что сможете.

Откликнитесь! Напишите о себе!

Привет Вам и Вашему мужу.

Преданная Вам Маргарита Сабашникова-Волошина.

Волошин познакомился с Маргаритой Васильевной Сабашниковой в московском доме коллекционера и мецената Щукина весной 1903 г. Через год они встретились в Париже — встреча, знаменательная для Волошина. Известна следующая его дневниковая запись: «Все, что я написал за последние два года, — все было только обращением к М. В. и часто только ее словами».

Поклонница теософии Блаватской и Безант, Сабашникова в немалой степени повлияла в те годы на мировоззрение и на творчество Волошина. Около 1909 г. Сабашникова «твердокаменно» увлеклась отпочковавшимся от теософии антропософским учением Рудольфа Штейнера. Учение Штейнера о свободе Сабашникова восприняла догматически и ортодоксально. Об этом следует упомянуть, так как в близости Волошина и Сабашниковой интеллектуальная сфера играла значительную роль. Не без влияния Сабашниковой Волошин также увлекся антропософией, хотя, в отличие от жены, не был слепым последователем Р. Штейнера. На этой почве наметились не только расхождения между ним и Маргаритой, но и началось постепенное охлаждение в их отношениях.

В 1914 г. Волошин и Сабашникова вместе принимали участие

Впервые письма М. Цветаевой были напечатаны в № 178 за 1990 год издаваемого в Нью-Йорке «Нового Журнала». Публикация была подготовлена нашим соотечественником, известным писателем и литературоведом Вадимом Крейдом. Учитывая практически полную недоступность для широкого российского читателя выходящего в США журнала и считая необходимым познакомить его с этой интереснейшей частью нашего литературного наследия, В. Крейд предоставил нам право повторной публикации собранных им документов.

в строительстве антропософского храма в Дорнахе. Там же был в то время и Андрей Белый, с произведениями которого Сабашникова познакомила своего учителя Р. Штейнера.

М. Сабашникова была талантливой художницей. В своем дневнике А. Блок отмечает портрет Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, который он видел на «Башне» у Вяч. Иванова: «В кабинете висит открытый теперь портрет Лидии Дмитриевны работы М. В. Сабашниковой: не по-женски прекрасно».

С 1920 г. Сабашникова жила в эмиграции, поселившись в Штутгарте. Она продолжала интересоваться Волошиным, его жизнью и творчеством, время от времени получая весточки из Коктебеля. Когда Волошин умер и в эмигрантской прессе появилось немало статей о нем, она прочитывала их все и почти в каждой находила что-то «не то». Недовольство Сабашниковой было вызвано тем, что почти все, написанное о Максе, не соответствовало созданному ею для себя самой мифу о нем. Поэтому не случайна фраза в письме Сабашниковой к Цетлиной: воспоминания Цветаевой — «это миф о Максе, то есть правда о нем». Миф и правда для Сабашниковой, воспитанной на символизме, а затем антропософии — синонимы.

Почему М. Сабашникова обратилась именно к Цетлиной с просьбой «заступиться за Макса»? Мария Самойловна Цетлина, урожденная Тумаркина, некогда была прозвана В. Розановым «эсеровской мадонной». К «конstellляции» «Современных записок» она не принадлежала, но ближайшее отношение к журналу имела. Во-первых, Цетлины поддерживали часто дышавший на ладан журнал материально. Во-вторых, ее муж, поэт и критик Михаил Осипович Цетлин (1882—1945), был консультантом отдела поэзии в журнале. В-третьих, связь между Цетлиной и «конstellляцией», т. е. созвездием редакторов, как иронически пишет Сабашникова, осуществлялась и по эсеровской линии. Редактировала журнал со времени его основания в 1920 г. «эсеровская пятерка»: М. Вишняк, В. Руднев, И. Фондаминский, А. Гуковский, Н. Авксентьев. К 1932—1933 гг. первую скрипку в редакционной политике играли М. Вишняк и В. Руднев.

М. Сабашникова не без основания писала Цетлиной о том, как «Макс любил их обоих» и как «они с ним были дружны». У Волошина есть стихотворение, посвященное М. Цетлину, опубликованному несколько поэтических сборников под псевдонимом Амари. С июля по октябрь 1915 г. Волошин жил у Цетлиных в Биаррице. Его сборник «*Anno mundi ardentis*» посвящен Амари, на средства которого книга была издана в 1916 г. в Москве. В феврале 1919 г. Волошин приехал в Одессу и жил у Цетлиных почти до самого времени их отъезда из России в эмиграцию (5 апреля 1919 г.). Словом, Волошина и Цетлиных связывало в прошлом очень многое.

Это письмо М. Сабашниковой Цетлина переслала Цветаевой, у которой и без того были весьма непростые отношения с «Современными записками». В 1978 г. в «Новом Журнале» было напечатано 19 писем М. Цветаевой к В. Рудневу. Все эти письма

относятся к периоду обострения отношений между Цветаевой и редакцией «Современных записок». Вот выдержка из письма от 2 марта 1933 г.: «Конец Макса, надеюсь, получили. С Вашей оценкой („раболопство“) несогласна, это — чистейшая моя ему за себя и за многих и заслуженнейшая им благодар- ность. Но спорить не будем — как никогда не спорил Макс».

Все это — еще в очень сдержанных тонах. Но вот письмо от 19 мая 1933 г.: «Мое отношение к изъятию из моей рукописи самого ценного: Макса в Революцию, его конца и всего конца Вам известно из моего устранения от всякого соучастия. Причины, заставившие меня моей рукописи не взять обратно, Вам не могут не быть известны. И, наконец, моя оценка письма Маргариты Сабашниковой для Вас несомненна... Прилагаю письмо М. В. Сабашниковой».

Позднее, когда уже был получен ответ Руднева, М. Цветаева часто вспоминала о вивисекции, произведенной редакцией над ее очерком «Живое о живом». «Выбросив детство Макса, — писала она Рудневу 9 декабря 1933 г., — Вы сделали его непонятным, ибо лишили его связи, превратили в отрывки. Вы урезали образ поэта на всю его колыбель и в первую голову — урезали читателя». Очерк этот Марине Цветаевой был особенно дорог. Работая над воспоминаниями о Волошине, она даже видела поэта во сне — «всю ночь в его парижской мастерской». Само название очерка выражало как ее отношение к Волошину, так и определение творческого метода. «Записи, живое, живье, т. е., по мне в тысячу раз ценнее художественного произведения, где все переиначено, пригнано, неузнаваемо, искалчено», — писала Цветаева В. Н. Буниной в августе 1933 г.

Из всех членов редакции Цветаева предпочитала иметь дело именно с Рудневым: «Мне очень жаль (Вам — нет, конечно), что моя корректура идет к Вишняку, а не к Вам; мы с Вами хотя и ссоримся — но в конце концов миримся, а с Вишняком у меня никакой давности».

С М. Вишняком отношения у нее действительно не сложились. Уже через много лет после смерти Цветаевой М. Вишняк возмутило ее письмо к Ю. Иваску, напечатанное в «Русском литературном архиве» (1956 г.). Письмо датировано 4 апреля 1933 г., т. е. как раз тем временем, когда еще свежа была рана от урезанного В. Рудневым очерка «Живое о живом»: «Будь они прокляты — „Современные записки“, — где дело обстоит так: „У нас стихи вообще на задворках. Мы хотим, чтобы на 6 стр. — 12 поэтов“ (слова литер. редактора Руднева — мне, при свид е т е л я х)». М. Вишняк так резюмировал эти слова Цветаевой: «За время существования „Современных записок“ приходилось многократно выслушивать недовольство, иногда даже возмущение сотрудников отдельными редакторами и редакцией в целом. Но о „проклятиях“ журналу, „Современным запискам“, приходится слышать впервые — через 17 лет после того, как не стало ни Цветаевой, ни Руднева, ни „Современных записок“».

«Из 70 книг „Современных записок“, — с горечью пишет

М. Вишняк, — Цветаева печаталась в 36, — столько же до ее проклятия, сколько и после него... Прибавлю, что некоторые взгляды Цветаевой были очень далеки и чужды всем членам редакции, не исключая и Руднева, которого Цветаева неосновательно именуется „литературным редактором“ — такого в журнале не было — и которому она была близка по религиозной устремленности. При отличных отношениях с Цветаевой оплошностью Руднева, очевидно, была чрезмерная доверчивость и упрощенность, с которой он говорил с духовно близким ему сотрудником о стихах».

Немного о взглядах Цветаевой, «далеких и чуждых» членам редакции «Современных записок». В 1933 г. Цветаева сравнивала, например, казнь убитого французского президента Горгулова с подлым выстрелом в затылок в подвалах ЧК. «Клянусь, что все это одно и то же, как бы оно ни звалось», — писала М. Цветаева. Подобное заявление вряд ли могло найти поддержку в русской эмиграции, тем более со стороны убежденного антибольшевика Руднева.

Как же реагировал Руднев на письмо Сабашниковой, которое переслала ему Цветаева? Удалось разыскать черновик его письма, ранее никогда не публиковавшегося. К сожалению, мне неизвестно, где находится само письмо и сохранилось ли оно. Поэтому приходится довольствоваться черновиком.

22.V.1933

Нет, дорогая Марина Ивановна, Ваше письмо не дало мне прямого ответа на беспокоящий меня вопрос.

Вы предпочитаете оставаться на почве формальных недоговоренностей, позволяющих не вскрывать существа той моральной проблемы, о наличии которой я в первые узнал только из письма Сабашниковой. Это — Ваше право, и настоящим своим письмом я вовсе не собираюсь вынуждать Вас на откровенное объяснение, раз Вы его определенно не хотите.

Но уж мое право — за себя говорить по существу и с полной определенностью. Следую положениям Вашего письма.

1. «Мое отношение к М. Вол. Вам известно из моей рукописи». Разумеется, было известно, и хотя я лично его не разделяю, это обстоятельство, конечно, ни в коей мере не могло служить ни препятствием к помещению Вашей статьи в «С. З.», ни основанием для каких-либо «изъятий» из нее. Я вынужден был сокращать рукопись по соображениям чисто внешним (размера), и, конечно, при этом добросовестно старался, поскольку мог, сохранить в неприкосновенности даваемый Вами облик М. Вол. и Вашу личную его оценку. Насколько мне это удалось, не мне, разумеется, судить, хотя кое-какой редакторский опыт за мной известен. Но признаюсь, я был очень далек от мысли, что Вами может быть заподозрена моя редакторская корректность.

2. «Мое отношение к изъятию из моей рукописи Самого ценного: М. в революции, его конца и всего конца Вам известно из моего устранения от всякого соучастия».

3. «Причины, заставившие меня моей рукописи не взять обратно, Вам не могут не быть известны».

Эти Ваши строки меня очень огорчают и задевают. До этого Вашего письма я и не подозревал, что в Ваших глазах намеченные мною сокращения уничтожают «самое ценное» в характеристике М. В. Вы теперь утверждаете (без всяких к тому оснований), что я «знал», принимая рукопись в «С. З.», и Ваше мнение, что из нее изъято «самое ценное», и причины, не позволившие Вам взять рукопись обратно. Иными словами, Вы полагаете, что я, пользуясь Вашей материальной нуждой, вынудил Вас пойти на опубликование заведомо изуродованного и бессмысленного в самом главном очерка о столь дорогом для Вас писателе и друге. Не собираюсь защищаться от такого дикого обвинения, не могу только оставить его без самого решительного протеста. И не ссылайтесь на Ваше давнишнее письмо, которым Вы давали согласие на печатание статьи: в нем, утверждаю по памяти, нет даже намек на то, что по Вашему предположению сокращения настолько обесценивают Вашу рукопись. Вы писали только, что ввиду коренного расхождения со мною и в оценке личности М. Вол., и в понимании интересов читателей, Вы предоставляете сделать все необходимые сокращения мне самому. Можете, если угодно, считать меня недогадливым, но в своей чистой в отношении Вас совести я в этих Ваших словах увидел тогда как раз обратное тому, что узнаю теперь: я понимал, что Вы сами убедились, что намеченные сокращения не затрагивают главного в характеристике М. Вол., а в частности, расходясь со мною, Вы доверяете моему такту. Видите, насколько я ошибся. Если б не ошибся, разумеется, не принял бы на столь важных для Вас и унижительных для «С. З.» условиях рукопись к печати.

Что же делать теперь? Вы понимаете отлично, насколько неприятно пребывать, после разоблачений г-жи Сабашниковой, с которой Вы, очевидно, солидаризируетесь...

Это был неразрешимый конфликт этики и эстетики. Руднев мало что понимал в поэзии да и художественность прозы такого поэта, как Цветаева, вряд ли мог оценить по достоинству. Цветаева не хотела, да и считала для себя излишним, вникать в «политику» журнала. По целому ряду причин в 1932—1933 гг. журнал издавался в напряженной обстановке, стояло под вопросом само существование «Современных записок». Об этих годах М. Вишняк позднее писал, что ситуация требовала «сугубой политической осмотрительности и проверки взятого журналом курса». Словом, к извечной конфронтации жестоко понимаемой этики и «свободной эстетики» добавлялись еще и политические обертона.

Кем же был Вадим Викторович Руднев (1879—1940), сыгравший немалую роль в судьбе Марины Цветаевой да и многих других писателей русского рассеянья? Цветаева видела в нем «бывшего московского городского голову» и «правого эсера». Ее

отзывы о нем — не особенно лестные. «С „Совр. записками“ разошлась совсем, — пишет Цветаева своей чешской подруге, писательнице Анне Тесковой 24 сентября 1926 г. — Недавно — письмо от одного из редакторов: „Вы, поэт Божьей милостью, либо сознательно себя уродуете, либо морочите публику“. Письмо это храню. Верх распушенности. Автор — Руднев, бывший московский городской голова». В письме Тесковой от 24 сентября 1933 г. Цветаева пишет, что стихов ее «никто» не берет. «Предлог — непонимание меня, как поэта, — читателем, на самом же деле: редактором, а именно: в „Посл. нов.“ — Милуковым, в „Совр. зап.“ — Рудневым, по профессии врачом, по призванию — политиком, по недоразумению — редактором (NB! литературного отдела)».

Профессиональный революционер, неоднократно сидевший в тюрьмах и ссылавшийся, Руднев был человеком долга. Работавшие с ним уважали его, но вряд ли любили. Между ним и людьми, с которыми он общался, всегда ощущалась некоторая точно отмеренная дистанция. В марте 1917 г. на выборах в Москве победили эсеры, и Руднев был избран городским головой. Именно он возглавил сопротивление московским большевикам в октябре 1917 г. После октябрьского переворота Руднев переехал в Петроград и представлял эсеров в Учредительном собрании. После разгона Учредительного собрания скрывался от большевиков. В начале 1919 г. жил в Одессе, возглавлял Союз городов, а в апреле уехал в эмиграцию вместе со своими товарищами по партии Цетлиными. М. Вишняк, говоря о Рудневе, делает следующее замечание: «И настолько очевидной была гипертрофия ответственности, которой страдал Руднев, что и политические противники обвиняли его уже не в безответственности, а наоборот, в „боязни ответственности“ и вытекавшей из нее нерешительности».

Со всем этим «букетом» достоинств и недостатков Руднева Цветаевой приходилось иметь дело в течение более чем десятилетнего ее сотрудничества с «Современными записками». Характер этих отношений отразился в ее письмах к Рудневу, девятнадцать из которых были опубликованы в 1978 г. в «Новом Журнале». Мне известно еще несколько никогда не публиковавшихся писем Руднева Цветаевой. Вот черновик его письма от 7 декабря 1933 г.

Дорогая Марина Ивановна!

Сегодня было собрание редакции. Ваш «Дом у Старого Пимена» принят к печатанию — с теми оговорками, которые я предвидел. Мы просим Вас просмотреть рукопись с точки зрения приведения ее к условленному размеру — не более 65 000 печ. знаков (в рукописи сейчас приблизительно 83 000 знаков). Вы вольны сами искать наименее болезненные сокращения. Как сделаете, так и будет.

Простите за несвязное письмо. Пишу его в разных заседаниях, мечусь по городу. Преданный Вам В. Руднев

Р. С. Как можно скорее верните рукопись! Литоципщик мрачен.

В середине письма зачеркнут почти целый абзац:

Позволю себе высказать свое скромное мнение, что их (сокращения.— В. К.) следовало бы произвести не в первых 14 и не в последних 14 страницах. Не знаю, насколько Вам дорога глава (50—58 стр.), но она носит эпизодический характер.

Как видим, после неприятной для обеих сторон истории с публикацией очерка «Живое о живом» Руднев действует осмотрительнее. У него есть определенное мнение о воспоминаниях Цветаевой («Дом у Старого Пимена»), но он колеблется — высказать его или воздержаться, и в конце концов все, относящееся к «своему скромному мнению», вычеркивает.

Через неделю последовало еще одно письмо Руднева:

14.XII.1933

Дорогая Марина Ивановна!

Присылайте рукопись Вашего «Домика у Старого Пимена»: согласно Вашему желанию, она будет напечатана полностью.

Мне не хочется сейчас говорить относительно содержащихся в Вашем письме упреков и обвинений по адресу редакции «С. З.». Я не считаю их справедливыми. Но, во всяком случае, в будущем нам совершенно необходимо договориться так, чтобы исключить самую возможность повторения весьма тягостных и для Вас, и для нас положений. Преданный Вам В. Руднев

Это письмо печатается по черновику. В фразе: «согласно Вашему настоянию» слово «настоянию» зачеркнуто и заменено словом «желанию». Исправления во всех известных мне письмах Руднева преследуют одну и ту же цель: смягчить выражения, которые могли бы вызвать в его корреспондентке темпераментную реакцию. Уступка Руднева связана с письмом Цветаевой («Н. Ж.», № 133, 1978), в котором она пишет, что «слишком долго, страстно и подробно работала над „Старым Пименом“, чтобы идти на какие бы то ни было сокращения».

Но вот другое письмо Цветаевой — ранее никогда не печатавшееся:

*Vanves(Seine)33, Rue Jean-Baptiste Potin
23 сент. 1934 г.*

Милый Вадим Викторович,

Узнала — по слухам — будто Вы запрашивали обо мне Со-синского: где я и что я — и что с рукописью.

Перед отъездом, т. е. в конце июля, я получила от Вас письмо, на которое ответила. Летом неопределенно ждала от Вас оклика, но так как Вы не окликали, я и не торопилась.

Рукопись есть. — «Мать и музыка» — но, кажется, велика: по моему расчету 62220 знаков. Хотела ее для вечера, но если Вы возьмете, дам Вам. Другого у меня ничего нет.

Когда нужно сделать? Она почти переписана.

Жду ответа. Были с Муром на ферме возле Trappes и только что вернулись. М. Ц.

Когда выходит №? Мне важно — для вечера¹.

Ответ Руднева на это письмо нам неизвестен. Вот еще одно ранее не печатавшееся письмо Цветаевой Рудневу. В нем также идет речь об очерке «Мать и музыка»:

*Vanves(Seine)33, Rue Jean-Baptiste Potin
27-го ноября 1934 г.*

Милый Вадим Викторович,

А у меня случилось горе: гибель молодого Гронского², бывшего моим большим другом. Но вчера, схоронив, — в том самом Медонском лесу (новое кладбище), где мы с ним так много ходили — п. ч. он был пешеход, как я — сразу села за рукопись, хотя так не хотелось, — ничего не хотелось!

Она совсем готова, только местами сокращаю — для ее же цельности. Надеюсь доставить ее Вам в четверг: Мурином свободный день, а то не с кем оставить, меня никогда нет дома, а в доме вечный угар — и соседи жутковатые.³

Есть и стихи, м. б., подойдут. Длина рукописи — приблизительно 52.200 печатн. знаков, но это уже в сокращенном виде.

До скорого свидания! М. Ц.

Жаль твердого знака, не люблю нецельности, но это уже вопрос моего максимализма, а конечно, прочтут и без твердого.

Вообще, жить — сдавать: одну за другой — все твердыни. (Я лично твердый знак люблю, как человека, действующее лицо своей жизни, так же, как ♪!)

Переписка Цветаевой с Рудневым длилась еще несколько лет, и отношения ее с «Современными записками» продолжали оставаться сложными. Так, мемуарный очерк «Черт», опубликованный в № 59 в 1935 г., снова был напечатан с купюрами. О подробностях этой, как и других, публикаций, вероятно, можно было бы узнать из переписки Цветаевой с Рудневым, но, к сожалению, местонахождение писем 1935 г. и более поздних лет на сегодняшний день нам неизвестно. Впрочем, есть некоторые основания полагать, что эти письма где-то сохранились.

¹ Сосинский Бронислав Брониславович — писатель и критик; Мур — сын Цветаевой; «Мать и музыка» была напечатана в № 57 (1935 г.) «Современных записок»; участие в вечере 1 ноября 1934 г., о котором пишет Цветаева и где она читала «Мать и музыку», было вызвано главным образом ее материальными трудностями.

² Николай Гронский — поэт, с которым Цветаева была дружна в течение двух лет, — погиб под колесами поезда парижского метро 21 ноября 1934 г.

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Более шестидесяти лет не могли пробиться к читателю написанные в начале 20-х годов воспоминания Г. И. Гроссена о последних днях армии генерала Н. Н. Юденича и тех тяжелейших испытаниях, которые выпали на долю ее солдат и офицеров, а также гражданских беженцев после их отступления из России на территорию Эстонской Республики. Первая попытка опубликовать этот исторический документ была предпринята известным ленинградским архивистом П. Е. Щеголевым еще в 1928 году. Однако отделение Госиздата в Ленинграде, куда воспоминания были предложены для печати, отклонило рукопись. В чем была причина отказа? В сопроводительном письме из издательства о ней ничего не сказано. Вряд ли решение редакционной цензуры было обусловлено содержащимися в воспоминаниях замечаниями антиэстонской направленности. Большевистский режим никогда особенно не считался с национальными чувствами прибалтийских народов. Сделать это скорее заставило другое: уж слишком отличались изображенные Г. И. Гроссеном участники белого движения на северо-западе России, особенно их демократическая и патриотическая часть, от тех «гидр контрреволюции», которых без устали рисовала советская пропаганда. Безусловно, позиция автора воспоминаний далеко не беспристрастна, целый ряд данных оценок и сделанных им выводов представляются спорными, основанными прежде всего на личных и политических симпатиях и антипатиях. Иначе и быть не могло — Г. И. Гроссен являлся активным участником последнего похода на Петроград осенью 1919 года и на себе самом испытал всю трагедию его сокрушительного провала и тяготы последующего существования в эстонском полуплену-полуэмиграции. И все же редакция сознательно удерживается от каких бы то ни было комментариев оценочного характера. Мы считаем, что истинную историю гражданской войны можно будет восстановить только с учетом мнений представителей всех участвовавших в ней сторон, независимо от того, как они соотносятся с изображениями сиюминутной политической конъюнктуры. Редакция выражает глубокую благодарность заведующей отделом ЦГИА СССР С. В. Казаковой, в фондах которого находится подлинник публикуемых воспоминаний, за любезное содействие в подготовке их к печати.

АГОНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМИИ

Из тяжелых воспоминаний

Я намерен попытаться описать агонию Северо-Западной армии генерала Юденича, самой маленькой антибольшевистской армии (около 20 000 бойцов), которая, несмотря на свою малочисленность, была воодушевлена таким великим энтузиазмом, что совершила редкое из чудес: она подкатилась к воротам своего Китежа — Петрограда и с священным трепетом крестилась на залитый солнечными лучами золотой купол св. Исаакия.

Но это, увы, было высшим достижением этой армии. Чудесный мираж заволочли тучи большевистских полчищ Троцкого, к которому подошли крупные резервы, и 20 октября 1919 года началось общее наступление красных и частичное отступление белых, которые, оказавшись одинокими, лишенными помощи союзников, через две недели были вогнаны в пределы Эстонии, где ждал их не менее страшный и беспощадный враг — торжествующая вша. Для многострадальной армии открылась новая, жуткая страница истории, полная описаний невероятных по жестокости ужасов и страданий, которые еще ждут своего Данте.

На вратах Нарвы можно было смело начертать слова великого итальянского поэта:

Здесь входят в скорбный град к мучениям,
Здесь входят к мучке вековой,
Оставь надежду всяк сюда идущий.

Моя скромная задача — привести для будущего историка интервенций некоторые данные, относящиеся к агонии Северо-Западной армии, свидетелем коей я был в качестве редактора «Вестника Северо-Западной армии», члена боевого санитарного отряда, боровшегося в Нарве с тифом, и члена общественной ревизионно-контрольной комиссии по ликвидации Северо-Западной армии.

I

ПРИЧИНЫ ПАДЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ДЕЛА

Не беря на себя задачу описывать историю возникновения Северо-Западной армии, ее правительства и целой сети политических интриг, окутавших эту армию, я не могу не коснуться

вкратце причин, повлекших за собою гибель белого дела на северо-западном фронте.

Немецкая газета «Estländische Zeitung» писала: «Начатое наступление Северо-Западной армии неожиданно в короткое время при незначительных потерях достигло величайших результатов. Только что получена весть, что Гатчино и Красное Село взяты доблестными войсками Северо-Западной армии. Этим, кажется, предрешена судьба Петрограда. Падение Петрограда будет иметь для большевистской власти катастрофические последствия».

Эстонская газета «Maalüt» писала:

«В последнее время следовало бы говорить о тех, кто играет первую роль в настоящем ходе событий,— это белые войска. Самое ядро русских войск состоит из полков, сформированных в Ревеле и Пскове и перешедших весною из красных войск уроженцев Вятской и других губерний. Эти войска обнаружили в боях величайшую храбрость. В техническом отношении великолепно снаряженная, заново одетая и обутая, находясь под предводительством сведущих вождей, армия эта образует силу, с которой большевикам приходится серьезно считаться».

Прежде всего: был ли на месте генерал Юденич? ¹ Г. Кирдецов по должности редактора юденичевского официоза «Свобода России» давал генералу Юденичу следующую восторженную характеристику:

«Герой Кавказа — единственного фронта, где русская армия за эту войну не имела поражений. Не при дворе, не в канцеляриях добывал он себе чины и ордена, с мечами и бантами. Заслужил он их в боях с врагами земли русской. Завоеватель Эрзерума — безумно смелой атакой в 3 дня взявший эту неприступную твердыню в лютый, январский двадцатиградусный мороз,— он решил в первый раз в жизни начать борьбу с врагом лютейшим из лютых. Юденич в Финляндии, где он принялся за создание нового фронта. Он упорно долбил Европу — требуя помощи, а помощь все не шла.

И так тянулось долгих нескончаемых семь месяцев. Помощь не шла, а дело росло и крепло. Северо-Западная армия настолько оправилась, что уже в мае (1919 года) решилась предпринять смелое наступление, которое генерал решительно остановил, зная, что если малочисленной Северо-Западной армии и удастся войти в Петроград, то без снаряжения и продовольствия ей там не удержаться, и несчастный город снова очутится во власти большевиков. Молчал и продолжал долбить Европу.

И совершилось наконец то, чего так давно ждала наша истрадавшаяся родина,— один за другим стали прибывать транспорты, везя все необходимое и для армии и для населения. Генерал уже в Ревеле. И снова засел он за работу. Меньше чем в месяц армия была и одета и обута. Эта трудная работа была проделана бесшумно и методически. И вот генерал, уже на фронте — смело берет командование в свои руки. Всего пять дней, как началась операция, и Северо-Западная армия подхо-

дит к Петрограду. В четыре дня поднялся генерал в глазах всех на недостижимую высоту».

Вот что писал о Юдениче Кирдецов, сытно кормившийся около Северо-Западной армии. Как подобает типичному «тушинцу», Кирдецов в своей книге «У ворот Петрограда» «забыл» все, что писал, и легко сжег все то, чему поклонялся. В этой книге он уже называет Юденича «карикатурой главнокомандующего», хитрым, тщеславным, бездарным, который «оказывается и Эрзерум-то брал, по плану, украденному им у какого-то стратега». Одним словом, — «ничтожество и бездарность». Насколько верно утверждение г. Кирдецова о краже генералом Юденичем плана взятия Эрзерума — судить не берусь, во всяком случае, весьма и весьма сомневаюсь, но сам Кирдецов в этой же книге совершил литературную кражу, перепечатав целиком мою статью «Бурый Медведь» без всякой ссылки на автора (см. «Св. России» № 13 1919 года).

Даже по общим отзывам военных и всей эстонской прессы выходило, что Северо-Западная армия должна была взять Петроград. Но почему, в таком случае, был такой печальный результат северо-западного дела? Постараюсь ответить. Помимо общих причин, губивших все интервенции в России, в отношении Северо-Западной армии играли роль следующие обстоятельства: армия была обмундирована, снаряжена провиантом весьма скудно. Я помню, как в штабе армии негодовали и плакали по поводу плохого снаряжения и обмундирования. «Блестяще одетая и обутая армия» (по характеристике англичан), имевшая в своем составе около 60 000 солдат, имела всего 22 000 комплектов английского обмундирования, да и то это количество комплектов 'прибыло лишь 10 сентября 1919 года. Благодаря из рук вон плохому транспорту, многие части получили обмундирование уже после отступления. Это было результатом агитации большевиков среди портовых рабочих Лондона, где последние отказывались грузить снаряжение и обмундирование для Северо-Западной армии. Эта агитация имела место и в Ревеле при выгрузке, но, благодаря участию в работах по разгрузке офицеров и солдат Северо-Западной армии, груз все же был доставлен в склады. Весь транспорт был в руках эстонцев, и «хозяева» попросту перехватили лучшее себе, конечно, с разрешения англичан. Поезда отпускали не в требуемое русским командованием время, а когда сами находили нужным. Но и наше интендантство оказалось не на высоте своего призвания, и было много злоупотреблений.

Очень хорошо одеты и обуты были только ливенцы², потому что их одели «враги» — германцы, а не друзья-союзники, как зло ответил один ливенец английскому полковнику на вопрос последнего об источниках обмундирования. Надо еще отметить, что англичане крайне подозрительно смотрели на всякую помощь Северо-Западной армии со стороны Германии. Когда Швеция по заказу Юденича выписала из Германии обмундирование на 60 000 человек, то англичане не пропустили ни одного комп-

лекта. Лишь к концу отступления Северо-Западная армия получила от Американского Красного Креста 100 000 пар ботинок. Нижнего белья у солдат не было, и только благодаря Американскому Красному Кресту солдаты получили теплое белье, которое сослужило впоследствии хорошую службу вшам.

Так была «заново одета и обута» армия. Теперь о «великолепном снаряжении». По данным генерала Малявина³, армия к началу операции имела 60 орудий, 300 пулеметов, 400 шашек (кавалерия), 6 больших английских танков и 2 маленьких французских «Бэби», которые прибыли на фронт уже после взятия Гатчино, затем 2 броневика, 6 аэропланов, 4 полубронированных поезда.

Пехота была вооружена русскими винтовками, однако без достаточного запаса патронов. 20 орудий были английские, но большая часть их не имела затворов, остальные были заржавлены или испорчены. Хороши и исправны были лишь германские (отряд кн. Ливена) пушки. Тяжелых орудий не было. Пулеметы были русские, отнятые у большевиков. Танки были скверные, поношенные, без запасных частей, а пулеметы (танковые) не имели металлических лент для патронов. Поэтому танки проводили большую часть времени «на отдыхе», где их вечно чинили и чистили. Словом, все это был товар, который англичане отдавали с украинской поговоркой: «на тобі, небоже, що мені не гоже». Броневики были не лучшего качества. Из шести аэропланов только два были в исправном состоянии (русский и германский), а на 4 английских самые отчаянные смельчаки не рисковали подняться ввиду явной негодности машин. Настоящих броневых поездов совсем не было. О походном снаряжении и говорить нечего: ни топоров, ни лопат, ни обозов, ни лошадей.

Но главное, у Северо-Западной армии не было тыла. Кроме недружелюбного отношения Эстонии к русским вообще, эстонцы стремились свой тыл использовать прежде всего в своих интересах, зачастую во вред армии. Несчастливая Северо-Западная армия была стеснена в Эстонии во всех отношениях. При отступлении же эстонский тыл буквально убил армию.

II

ОТСТУПЛЕНИЕ

Горсть белых войск, занимая фронт в 250 верст, около 20 октября 1919 года стояла у ворот Петрограда. Ст. Александровская и Горелово были ею заняты, Гатчино — Красное Село и Ропша остались позади. Впереди играл солнечными лучами величественный купол св. Исаакия. Но в это время белую армию уже окружали собранные Троцким красные войска. Из Петрограда были брошены курсанты. Блестяще оборудованные броневые поезда красных прорезывали все пространство между Петроградом — Тосно — Гатчино — Красное Село и Лигово, осыпая

белых снарядами. Кроме того, действовал и красный флот при поддержке Кронштадта, который понял, что англичан бояться нечего: 2 английских монитора постреляли по Красной Горке и ушли за снарядами... в Лондон.

Белая армия оказалась почти со всех сторон под огнем. Красную Горку эстонцам взять не удалось. Красные тоже угрожали глубокому тылу белых войск, заняв Ропшу и Кипень. Белые принуждены были начать отступление. Оставлены все позиции у Петрограда. Затем Красное Село и другие важные пункты, а 31 октября оставлен Гдов. Под напором превосходящих сил красных отступление шло по всем направлениям к Нарве. Белые в порядке, но быстро катились к эстонской границе. Вот тут-то и начались героические страдания этой доблестной армии.

Голодная, раздетая, уставшая от непрерывных боев, храбро защищавшая вместе с эстонцами Нарву, Северо-Западная армия у эстонских границ встретила эстонские штыки с приказом — не переходить эстонской границы. Пошли длительные и унижительные для русского командования просьбы разрешить русским отдохнуть в Иван-городе (Нарва) и в деревнях на правой стороне Наровы. Эстонское командование, забыв услуги русских (защита Ревеля, эстонских границ, Чудского озера и пр.), жестоко отказывало в отдыхе. Изнуренные белые войска, еле живые, продолжали тесниться у границ Эстонии и отбиваться от превосходящих их численностью красных сил, наступающих с Гдова.

И только 16 ноября последовало «милостивое» (но с условиями Бренна — полное разоружение) разрешение перейти русским на левый берег Наровы, оружие оставалось только тем частям, которые соглашались вести дальнейшую борьбу с большевиками. Через Нарову разрешалось пропустить только запасных, пленных и проч.

28 ноября генерал-лейтенант Глазенап⁴, неудачный генерал-губернатор Петроградский, по приказу Юденича принял командование над отступающей в пределы Эстонии Северо-Западной армией. По этому поводу генерал Глазенап 1 декабря выпустил свой первый и последний приказ Северо-Западной армии за № 373 следующего содержания:

«Офицеры и солдаты, я знаю, вы переживаете трудное время, вы устали, зачастую лишены в достаточной мере продовольствия, одежды и даже крова. Вы беспокойны за свой тыл; вам говорят, что Эстония заключает с большевиками мир, якобы русских солдат не пустят за Нарову, эстонцы грабят и разоряют обозы. Большевицкие шпионы раздувают эти слухи, шепчут вам, что дело погребло и выхода нет. Малодушные пали духом, поверили, появились переходы на сторону красных, дезертирство офицеров и солдат в тыл, переходы в другие армии, порой не русские. В такое тяжелое время я принял командование над вами.

Переход Наровы некоторыми нашими частями произошел случайно. Этим воспользовались эстонские и русские большевистские агенты и, пользуясь неизбежным временным беспорядком, вызвали ряд столкновений между эстонскими и нашими войсками, старались натравить эстонцев на русских, пугая первых русской опасностью и нас якобы тайными предательскими замыслами эстонцев.

Что бы ни говорили большевистские агенты, что бы ни писали купленные ими газеты, русское дело, начатое вами здесь, на севере, не погибнет. Армия цела и не переставая выполняет свой высокий долг.

В эти трудные дни каждый русский душой должен напрячь все свои силы, ближе друг к другу, поддерживать малодушных. Сила наша в правом деле, в полном единении всех от генерала до солдата.

Я крепко взял в свои руки дело и его не выпущу; ни один офицер, ни солдат не погибнет напрасно и не будет оставлен врагу. Выходы имеются. У нас всегда есть место, где нас прирут, где наша родная русская земля и армия,— это юг. Но мы должны ради общего великого дела оставаться здесь, не давать свободно вздохнуть комиссарам, создавать постоянную угрозу и заставлять их держать свои войска против нас, не давая им перебросить их куда-либо, не позволять налаживать свой транспорт, и, достигая этого, мы свой долг выполним. Постепенно наш тыл налаживается. Я заставлю тыловых чинов работать так, как они обязаны, или я их уничтожу как бесполезный и вредный элемент. Я беспощадно расправляюсь с теми, по чьей вине офицеры и солдаты фронта ходили оборванными и босыми и вовремя не получали пищи.

Моя самая большая забота дать вам заслуженный отдых, и тогда, когда вы вновь подкрепите свои силы,— конец всем опасениям. Каждый из вас знает, что красные, которых вы гнали как зайцев, не сделали теперь лучше и смелее. Они голодней, хуже одеты, чем вы, и им неоткуда взять.

Зимней кампании красным не выдержать, а вы будете иметь все необходимое.

Я требую от всех офицеров и солдат собрать все свои силы, всю энергию, тщательней, чем когда-либо, относиться к своим обязанностям, никакой распушенности, расхлябанности.

Всем начальникам приказываю быть ближе к своим подчиненным.

Все чины тыла должны помнить, что они сидят спокойно только потому, что впереди кучка героев несет свой белый крест перед родиной.

Я требую, чтобы для них были положены все силы, всякая небрежность, недостаточная заботливость тыла о фронте будет караться мной беспощадно, все трусы, вся слабая духом мразь, которая думает, что судьба России решается на реке Нарове, пускай убирается к красным, они нам не нужны и в рядах кра-

сных для нас не опасны. После за всю измену они понесут свою заслуженную кару.

Командующий армией
генерал-лейтенант ГЛАЗЕНАП»

Приказ, конечно, не внес ожидаемого успокоения ни в умы солдат и офицеров, ни на те большевистские подонки улицы, которые, почувяв грядущий мир в Юрьеве, начали энергично работать по разложению армии и по науськиванию слабохарактерных русских солдат на своих офицеров.

Началось открытое избиение и ограбление несчастного офицерства не только в лесах и деревнях, но и в Ревеле и Нарве, где на глазах всех у русских офицеров срывали погоны и били по лицу, причем характерно отметить, что зачинщиками были почти всегда большевизанствующие эстонцы. Эстонское командование, по приказанию союзников, иногда принимало меры против избиения, но эти меры были паллиативного характера, да и веры в искренность этих мероприятий не было, так как зачастую само эстонское начальство поощряло ограбление русских воинов при переходе последними границы.

Тяжело быть оскорбленным врагом, но еще тяжелее испытывать оскорбление со стороны своих вчерашних союзников. Эстонские части пропускали через границу русских мелкими отрядами, и здесь организованный грабеж эстонцев не знал удержа. Отнимали не только оружие и пулеметы, но грабили обозы, отнимали лошадей, сбрую, снаряжение, деньги и личные вещи. Несчастные русские, несмотря на зимнюю стужу, буквально раздевались, и все беспощадно отнималось. С груди срывались нательные золотые кресты, отнимались кошельки, с пальцев снимались кольца. На глазах русских отрядов эстонцы снимали с солдат, дрожащих от мороза, новое английское обмундирование, взамен которого давалось тряпье, но и то не всегда. Не щадили и нижнее, теплое американское белье, а на голые тела несчастных побежденных накидывались рваные шинели.

Конечно, такое возмутительное отношение со стороны бывших союзников вызывало глубокое негодование русских солдат, которые, гонимые позади большевиками, предпочитали смерть в бою с этими грабителями, и в тылу были нередки случаи вооруженного сопротивления надругательствам эстонских солдат. Но и те части, которые оказались на левом берегу Наровы, в пределах Эстонии ожидала еще худшая участь. Измученных, больных и голодных не впускали в жилые помещения, а загнали в лес и болота, где несчастные при морозе в 10 градусов должны были провести несколько ночей буквально под открытым небом. К этому надо прибавить, что среди солдат были женщины и дети беженцев. Что испытали загнанные, как звери, в лес русские — не трудно себе представить. Множество людей замерзло, многие умерли от истощения. В этом мрачном лесу впервые зашевелила свои отвратительные лапки тифозная вша.

Находясь в кошмарных условиях, лишенные обозов с провiantом, не имеющие телефонной связи со штабом, некоторые части армии решили спастись от неминуемой гибели, от голода и мороза, самовольно оставили дремучий лес и двинулись по железной дороге к ст. Иевве (по направлению к Ревелю). Эстонская печать сейчас же пустила провокационные слухи, что, де, Северо-Западная армия идет на Ревель, дабы повторить авантюру Бермондта⁵ и уничтожить самостоятельность Эстонии. Навстречу были двинуты эстонские войска. В результате — дальнейшее разоружение нескольких полков и батарей и дальнейшие грубые и враждебные действия по отношению к несчастной, голодной и безоружной армии. Только после настойчивых просьб командования Северо-Западной армии и вмешательства английской миссии через несколько дней были выведены загнанные в лес русские части и размещены по населенным пунктам. А в это время большая часть Северо-Западной армии мужественно защищала вместе с эстонцами Нарву от наседающих большевиков.

Конечно, дезорганизация Северо-Западной армии росла. Лишенные всякой помощи, казалось, оставленные людьми и Богом, русские солдаты потеряли веру не только в союзников, но и в свое начальство, чем воспользовались агитаторы большевиков. Начались выступления солдат против офицерства, т. е. повторились в маленьком масштабе времена Керенского. Были случаи убийства командиров полков и лиц из штабного состава.

Ограбленные эстонцами русские части были вынуждены иногда в свою очередь прибегать к грабёжам эстонского мирного населения, ибо им оставалось либо умереть от голода и холода, либо силою добывать себе пропитание.

III

НАРВА. ОСАДА ГОРОДА И МИР С БОЛЬШЕВИКАМИ

Нарва, ставшая могилой многих тысяч русских солдат и беженцев, уже раньше играла мрачную роль в русской истории. Под Нарвой было разбито шведами и бежало русское войско, построенное по образцу партизанщины. В реке Нарове потонула когда-то целиком конница Шереметьева, а в 1918 году прибывшие сюда на помощь белым эстонцам финны устроили зверский погром: они с Ивангородского моста и крепости сбрасывали в быстро текущую Нарову большевиков, в число которых зачастую попадали просто русские люди, жившие в Нарве. На улицах публично производились казни, и сотни раскроенных черепов обгащали кровью нарвские тротуары. Этого кровавого события до сих пор не могут забыть русские.

В середине ноября громадная красная армия под личным командованием Троцкого начала штурм Нарвы. Нарву буквально засыпали большевистские снаряды. Самый опасный день для

Нарва был 17 ноября. Гул непрерывных артиллерийских выстрелов сливался в какой-то жуткий протяжный вой. Эстонские бронепоезда работали день и ночь. Энергично дрались эстонцы, стойко и не жалея своей жизни, бросались в атаку и русские части. Бесперывно бухали с Нарвской крепости три больших орудия — наконец со стороны большевиков выстрелы стали затихать... Большевики не выдержали безумных атак и отошли, оставив под стенами Нарвы 60 000 трупов своих бойцов. Итак, Нарва была спасена героизмом не только эстонских, но и белых русских частей. Нарва привела историю к почетному миру в Юрьеве, но, увы, почет был только для эстонцев, но не бывших их союзников северо-западников; русским, сражавшимся бок о бок с эстонцами, был уготован нарвский мешок со вшами, куда после нечеловеческих глумлений эстонцы впустили несчастные, измученные непрерывными боями белые части.

Мрачные ворота Нарвы, как в ловушке, захлопнулись для северо-западников, вогнанных в громадные бараки-гробы, начался последний и самый жуткий круг страданий.

4 декабря в Юрьеве начались переговоры между эстонской делегацией во главе с Иваном Поской⁶ и большевистской во главе с Иоффе⁷. 2 февраля 1920 года мирный договор был ратифицирован эстонским Учредительным Собранием.

Радость в Эстонии по этому случаю была велика. Все ликовали, кроме брошенных во вшивый мешок воинов белой армии, которая явилась виновницей этого выгодного для Эстонии мира. Русская белая армия, благодаря «милости» союзников и неразумной тактике русских политических и военных руководителей в Париже и Гельсингфорсе, удачно исполняла реальную работу по изъятию из огня войны каштанов в пользу эстонцев.

Плоды мира эстонцы взяли себе, а бывшему союзнику — русской армии — предоставили свободу умереть.

Что эстонцы считали для русских жизнь непозволительной роскошью, доказывает их дальнейшее отношение к участи Северо-Западной армии, когда они стали фактическими господами этой армии. Наградив своих вождей, военных и политических, орденами, а солдат землею, Эстония наградила героическую русскую армию тифозной вшой. Этой «свободой смерти» воспользовалась добрая треть⁸ находившейся на территории Эстонии Северо-Западной армии. Осиновым колом в могилу 'эстонской неблагодарности послужил приказ ушедшего в отставку главнокомандующего генерала Лайдонера⁹ от 28 марта, в котором последний, воздавая должное храбрости своей армии, выражал благодарность и всем участвовавшим в войне: финнам, англичанам, французам, американцам и даже незначительным отрядам шведов и датчан, и лишь имя Северо-Западной армии, чьи трупы послужили удобрением для эстонской независимости, не нашло себе места в этом приказе эстонского генерала.

БЕЖЕНЦЫ

Судьбу несчастной армии разделяли и беженцы, т. е. мирные граждане Псковского, Гдовского, Ямбургского уездов и той части Петербургской губернии, которая побывала в руках Северо-Западной армии.

Что пережили и перечувствовали несчастные беженцы, хорошо описывал известный общественный деятель, бывший член Государственной Думы, доктор Н. А. Колпаков, участник «переселения народов» из Петербургского района.

Как принималась беженская лавина в Нарве, хорошо описывал в своем докладе беженскому съезду другой деятель помощи беженцам, М. И. Соболев, и, будучи участником беженского движения, я свидетельствую, что беженцы, как только вступали на территорию Эстонии, попадали в невозможно тяжелые условия исключительно потому, что для обеспечения и устройства беженцев в пути не было принято решительно никаких средств и мер, очевидно, из-за неожиданности этого поистине исторического дела. Эшелоны с беженцами из-под Ямбурга и Гдова, вслед за первым, стали приходить в Нарву почти ежедневно и насчитывали в себе каждый раз сотни людей — мужчин, женщин и детей. Но беженцы плыли в Нарву не только по железной дороге, но и по шоссе или с живым инвентарем своего хозяйства, а железнодорожные служащие приезжали и с большим скарбом своего домашнего хозяйства. Не всегда было возможно прибывших беженцев отправить из Нарвы в пределы Эстонии в день их прибытия или хотя бы на следующий день. Некоторые эшелоны задерживались на ст. Нарва II по несколько дней. Какого-либо приемного пункта, кроме двух тесных, грязных, наполненных к тому же солдатами барачков для беженцев, не было. Единственным кровом для таких беженцев было или открытое небо, или же, в лучшем случае, холодный вагон без печи. Достать кипятку, не говоря уже о горячей пище, беженцу было невозможно.

Откуда появилась тифозная вша?

По общему мнению, вшу принесли с собой чины красной армии, взятые в плен белыми или добровольно перешедшие на сторону Северо-Западной армии, ибо тиф еще до похода на Петроград уже более года гулял по голодным районам России. Первые отдельные случаи тифозного заболевания, если не ошибаюсь, были обнаружены у красноармейцев, перешедших на сторону белых у ст. Волосово, но тогда на это не обратили никакого внимания. Только 15 ноября 1919 года в госпитале Красног-го Креста (Нарва) доктор Колпаков установил наличие тифозных больных.

Этот «госпиталь» только по недоразумению можно было назвать госпиталем, так как помещался он во втором этаже казармы для рабочих. Это помещение было густо набито ранеными и больными. Эпидемия начала быстро распространяться, а в на-

чале декабря обнаружены были первые случаи сыпняка, который стал уже молниеносно распространяться, тогда-то и начался настоящий ад в нарвском мешке. Власти, как всегда при массовых несчастиях, оказались застигнутыми врасплох. Они ничего умнее не могли придумать, как ту же завязать нарвский мешок, чтобы никто не мог оттуда вылезть и разнести заразу по остальным частям Эстонии. А между тем в Нарву больные прибывали на подводах, пешком, а то и просто ползком. Больных начали класть, не записывая и не считая, на холодные каменные полы парусиновой и суконной фабрик. Когда все полы были покрыты больными, их клали в вестибюль, на площадках лестниц, под лестницы. А больные, как саранча, все прибывали и прибывали. Начавшись в районе прядильной и суконной фабрик, эпидемия стала повальной и, быстро охватив весь правый берег Наровы, перешла на левый, в эстонские части, так что к 20 декабря все госпитали в Нарве были переполнены и больные оставались там, где их застигала ужасная болезнь.

Вскоре после появления эпидемии начал заболеть и умирать госпитальный персонал. Санитарные эстонские и русские власти заметались, но каких-либо радикальных мер борьбы с эпидемией не принималось. Все дело сводилось к бумаге и к участию в бесчисленных комиссиях в Ревеле, где начальство жило спокойно. А между тем Нарва постепенно обратилась в громадный гроб с мертвыми и живыми людьми. Неподготовленность и малое количество лечебных заведений, про которые шла слава как о неизбежных очагах смерти, были причиной того, что заболевшие солдаты и беженцы мрачно бродили как тени по городу, ища приюта. Вследствие этого зараза еще больше распространилась. К середине февраля 1920 года одна Ивангородская часть Нарвы имела 7730 человек больных, а всего в Нарве насчитывалось в самый разгар эпидемии более 10 000 тифозных.

V

ПОЛОЖЕНИЕ ОБРЕЧЕННЫХ И БОРЬБА С ТИФОМ

Помню, в Петрограде на Литейном проспекте был «Театр Ужасов», куда ходили любители сильных ощущений. Пьеса «Мороз по коже», однако, совершенно бледнела перед тем ужасом, который я испытывал в Нарве при посещении в начале февраля «госпиталя» — парусиновой фабрики, которая, в полном смысле этого слова, была гробом живых и мертвых людей.

Представьте себе невысокое здание в 180 арш. длины, 18 арш. ширины, 5 арш. высоты. Вонь и смрад ужасные, ибо уборная внизу вся завалена калом. Больные ходили буквально «под себя» или в лучшем случае в коридор, по которому, не запачкав ноги, нельзя было пройти. Вентиляции нет. Врача также, а бывшие в дивизии врачи свалились в общую вшивую кучу. В этом бараке-гробе шевелилось 1016 человек больных. На всех была

лишь одна полуживая сиделка, сама с температурой не ниже 37,9, и 16 санитаров. Эти полуживые люди едва успевали подать несчастным кипяток, о чае нечего было и думать. Поэтому нет ничего удивительного, что около барака шныряли спекулянты-мальчишки, которые продавали несчастным снег по 7—10 марок за котелок. Питались обреченные на смерть лишь хлебом. 90 процентов больных даже не имели возможности вымыть руки и лицо. Баня была недостижимая мечта. Между живыми на полу лежали застывшие трупы. Больные сами выносили трупы из барака на двор или на улицу, где складывали их в кучи, откуда их забирал автомобиль-грузовик и свозил их на кладбище в поле. Среди солдат можно было видеть бродящих как тень офицеров, решивших умирать с теми, с кем они несли радости и невзгоды войны. Они сначала самоотверженно ухаживали за больными товарищами, на свои средства покупали им лекарства, клюкву, но вскоре сами свалились в общую кучу. Удел один — смерть. Выздоровливающих, как оказалось, 'был весьма незначительный процент. Накрытые шинелями, а то и тужурками, на холодном каменном полу лежали несчастные, громко бредя в жару. Я видел на полу брошенное белье, которое, казалось, шевелилось от тысячей ползущих насекомых. Эти ползущие рубахи и кальсоны преследовали меня несколько ночей. Постепенно вся Нарва чувствовала себя во власти страшной и всемогущей вши. Это вездесущее насекомое положительно сводило с ума всех еще здоровых людей. Все говорили только о вшах. Все хотели поделиться друг с другом мыслями, но и все боялись друг друга. Одна мысль неотступно сверлила мозг: а вдруг при рукопожатии насекомые переползут на меня.

В конце концов мы все привыкли ко вшам и, махнув на свою жизнь рукою, решили сплотиться в борьбе с этим ужасным бичом. «Лучше,— думали мы,— умереть в бою, чем в позорном бездействии».

5 февраля, когда бедствия приняли громадные размеры, когда вша выбрасывала на улицу ежедневно сотни трупов, мы, несколько интеллигентов, собрались вместе и решили сформировать боевой санитарный отряд, так сказать, «гусаров смерти», и дружно броситься в борьбу с бедствием. Мы обратились к населению и солдатам с воззванием следующего содержания:

**Ко всем, кто не хочет
погибнуть от эпидемии.**

Многие тысячи русских людей, оторванных не по своей вине от родных очагов, очутились в невозможно тяжелых условиях. Многие заболевшие различными эпидемическими болезнями неведомо где лежат в холодных, грязных помещениях, без всякого ухода, без лечения, без пищи и белья. Многие умирают и по несколько дней лежат без погребения.

Мы, нижеподписавшиеся, призываем тех, у кого еще не угасла искра сострадания к страждущему брату и кто сам не хочет быть в таком же ужасном положении, принять участие в са-

мой решительной и немедленной борьбе с эпидемией. Укрыться от заразы нам негде, так как причина этих болезней уже распространилась 'всюду, остался один путь спасения: от нас — беспощадная борьба. Мы призываем всех, желающих принять участие в этой борьбе, заявить об этом в канцелярию Уполномоченного Американской Миссии по делам о беженцах, Ямбургское шоссе № 20, ежедневно от 10 до 4 часов дня.

Воззвание подписали:

Уполномоченный Американской Миссии помощи по делам о беженцах в городе Нарве М. Соболев; бывший председатель Ямбургской Земской Управы Е. Ионов; инженеры В. Марцышевский, П. Леонов и Н. Аваев; журналист Г. Гроссен (Нео-Сильвестр); врач П. Федоров; беженцы И. Цитович, Н. Лялин, В. Мартинсон и В. Кузнецов; поручик Н. Снарский; штабс-капитан Рамишевский; помощник Уполномоченного Красного Креста А. Кирпичников; свободный художник И. Тульчиев; священник Леонид Руперт; военный чиновник Михаэлян.

Наше выступление было вызвано не только отчаянным положением больных, но и той растерянностью властей, которая имелаась налицо. Власти буквально растерялись и не знали, что делать. Эстонцы, конечно, первым делом бросились спасать своих. Устроили несколько оборудованных лазаретов, куда помещали только своих. Русские туда не допускались, для них существовало свое военно-санитарное управление во главе с доктором Дементьевым, инспектором этого управления. Представителем военных был начальник штаба генерал Лотов, которому вожди армии Юденич, Родзянко¹⁰ и Глазенап оставили на попечение несчастную армию, беспомощно бившуюся в цепких щупальцах тифозной вши.

Доктор Дементьев забрасывал Ревель телеграммами, которые, однако, реального результата не имели кроме перевода некоторой суммы денег: в Ревеле также потеряли голову. Каких-либо радикальных мер к прекращению эпидемии не принималось. Со стороны санитарной инспекции было проявлено такое же равнодушно-преступное отношение к бедствию, как и со стороны другого начальства. А между тем положение санитарного дела было отчаянное. Большинство врачей погибло в непосильной борьбе с тифом. Сестры милосердия также перемерли, в лучшем случае валялись в тифозном бреду в штабном лазарете. Санитары, пользуясь дезорганизацией, бросили больных на произвол судьбы и разбежались. Никто не хотел служить в тифозных бараках, где вследствие антисанитарного состояния их грозил неминуемая смерть. Получился заколдованный круг, из которого выхода не было. Этот круг был тем более кошмарен, что в маленьком городишке Нарве скучилось такое громадное количество больных. Эстонское начальство, несмотря на мольбу русского санитарного управления, категорически отказывало в разгрузке не только больных, но даже выздоравливающих, которые снова заболели. Эстонцы боялись разноса эпидемии по

Эстонии и предпочитали лучше лишиться всего русского населения Нарвы, чем подвергнуть опасности Эстонию.

Считаясь с этим, наш санитарный отряд решил принять на себя всю борьбу с эпидемией. Работа была опасная, но, увы, не было и средств. Средства мы надеялись получить от общества и образовавшейся в Ревеле ликвидационной, по делам армии, комиссии. У последней были средства, предназначенные для чинов армии. В расчете своем мы отчасти не ошиблись: военносанитарное управление охотно согласилось работать с нами, общество участвовало деньгами, но, увы, в малом количестве. Средств было мало, и поэтому работа наша широкого масштаба не получилась, но мы имели — людей, охотно откликнувшихся на наш призыв. Эти добровольцы размещены были по отрядам мойщиков, которые мыли несчастных больных, дезинфекторов, парикмахеров, могильщиков и пр.

Эти отряды, сначала довольно многочисленные, однако при первом соприкосновении с больными стали таять, несмотря на то, что всем участникам их был обеспечен паек и некоторая подневная плата (могильщикам). Многие обращались в бегство, так как вши быстро переползали на своих врагов и низвергали их в общую могилу. Требовались дезинфекционные средства, которых не было. А применение этих средств требовали не только дезинфекторы, мойщики и парикмахеры, но даже могильщики. Последние были так напуганы заразой, что зачастую при приближении повозок с покойниками бросали лопаты и разбегались во все стороны. Несмотря на это, работа санитарного отряда двигалась вперед. Статистики, обойдя весь город, представили довольно точное количество больных. Из данных видно, что только в первой и второй дивизиях бывшей Северо-Западной армии насчитывается 5417 больных. В Ивангородской крепости — 707 человек, в частных домах находилось 586 человек военных, в городском районе насчитывалось также около 1600 человек. Итого в одной Нарве было около 10 000 человек больных.

Санитарный отряд, сообщая с санитарным управлением открыв госпиталь на Ивангородской стороне, исхлопотал разрешение на открытие помещения для выздоравливающих, которые сотнями уныло бродили по пустым улицам Нарвы, не находя себе убежищ. Бродило, впрочем, и много «живых трупов». «Живые трупы» даже подкидывались в чужие дворы. В старое доброе время подкидывали младенцев, а в кошмарной Нарве — трупы. В тщетных поисках места в переполненных больными лазаретах идет с одной улицы на другую «живой труп». Шатается от слабости. Температура 39 с дробью. Потеряв надежду найти себе место в лазаретах, бывший воин заходит во двор, где сваливается под навес какого-либо сарая. Дворник дома находит тело несчастного и, рассуждая подобно пушкинскому мужику в «Утопленнике»:

Суд наедет, отвечай-ка,
С ним я век не разберусь...

бросал труп через забор в соседний двор, ибо кому была охота платить большой штраф за непредъявление тифозного в больницу. Случалось, что труп «гулял» дальше по другим дворам, пока не попадал на улицу, где его подхватывал грузовой автомобиль, развозящий трупы по кладбищам. Бросали «подкидышей» и в бараки соседним лазаретам или наоборот. Так в русском Ямбургском лазарете было обнаружено, что количество трупов в покойницкой или около нее увеличивалось несоразмерно с количеством умиравших. Например, в покойницкую доставлялось 10—20 трупов, а при подсчете там оказывалось 30—40. При расследовании обнаружилось, что санитары соседнего барака подкидывали трупы на двор Ямбургского лазарета: возни меньше. Трупы, трупы и трупы. Наконец жители Нарвы так привыкли к этому зрелищу, что уже не разбегались при появлении грузовика, наполненного трупами.

А между тем вша медленно и упорно ползла по телам молодых и старых, энергичных и слабых, оставляя за собою печать смерти. На улицах Нарвы, в этом городе смерти тихо и мрачно. Кино и театры давно закрыты. Всюду мелькают только гробы и гробы. Порой на улицах я сталкивался с жуткой картиной: на дровнях дощатый простой гроб. У гроба сидят трое маленьких детей — все, что оставил после себя покойный. Часто можно было видеть десяток трупов, небрежно брошенных друг на друга. Ужасный груз. А живые, оторванные от родины люди уныло брели с тяжелым вопросом в голове: когда-то наступит их черед лежать на этих дровнях. А колокол уныло и беспрерывно звонил, и казалось, что он плакал о былом, о забытых грезех, навеванных февральской революцией... Все исчезло, исчезло как мираж. Одна смерть и страдания остались и напоминают ежеминутно о себе. Бреду с тяжелыми размышлениями за гробом одного доктора. Вдруг кто-то дернул меня за рукав:

— Господин, нет ли у вас горсточка клюквы? — Смотрю, перед мною стоит в помятой шинели человек. Запекшиеся губы, блестящие глаза. Шатается.

Догадываюсь — тифозный. Клюквы нет, ибо она уже недели две как исчезла в городе: всю поели тифозные. Предлагаю на извозчике ехать в лазарет. Испуганные глаза. На лице ужас.

— Ради Бога, не выдайте. Только не туда. Там, я знаю, — верная смерть. Я офицер — северо-западник... хотел бы еще жить.

С трудом уговариваю ехать в новый госпиталь, где условия пребывания сносны. Отвез. Приехал домой — дома не лучше.

У меня в комнате двое тифозных — племянник и капитан Островского полка. Оба мучаются на кроватях в бреду. Лег спать, но заснуть не мог. Тифозные вскакивают с кровати и начинают бродить по комнате, наводя на меня ужас своими бредовыми кошмарами. Капитан властно кричит, командуя полком. Он грозит уничтожить красные дивизии под Москвой. Мой Женя плачет навзрыд, стоя на коленях перед большим горшком с цветами. Он умоляет не расстреливать его, так как у него мать

и братья в России. Волосы становятся дыбом... Только под утро, когда больные заснули, свалившись в одну кровать, тяжело дыша, я получаю возможность вздохнуть.

Утром иду в санитарный отряд. Узнаю обычную новость: умер врач Иванов. Врачи умирают один за другим, выбыло из строя 60 процентов. Не меньше умерло сестер милосердия. Умер студент Заблоцкий, умер генерал Ежевский, один из редких генералов, не оставивший армии в дни ее агонии. Поделились мыслями о покойниках, но долго говорить нельзя. Надо работать не покладая рук. Получилось сообщение, что открыт новый очаг тифозных — на бывшем лесном заводе Зиновьева. Самоотверженный доктор П. Н. Федоров, М. И. Соболев и я отправляемся туда. Здания завода расположены на низине Наровы под Ивангородской крепостью. Завод как бы скрыт от человеческих взоров. Нам и в голову не приходило, что в этом запущенном помещении могут быть люди. Оказались и тут люди, но полуживые — тифозные.

То, что мы увидели в Зиновьевской клоаке, превзошло наши самые мрачные ожидания. Когда мы открыли дверь в коридор флигеля, то в открытую дверь потянуло дыханием смерти. Вонь, смрад, кучи грязи. Ватер, заваленный калом, открыт. Водопровод замерз и бездействует. В первой небольшой комнате на табуретах, ящиках, а то и на голом полу валялись в бреду, накрытые шинелями, скромные работники свинцового ущелия — наборщики.

Лихорадочные взгляды, полные муки и безысходного горя, скользнули по нашим лицам. «Господи, люди, дайте пить и спасите от вшей», — услышали мы от больных. Пока доктор Федоров осматривал больных, мы вошли в другую комнату. Там на трех кроватях лежали по двое наборщиков и печатников «Приневского края». Среди них корректорша с девочкой пяти лет, с впалыми щечками и худенькими, как палки, ручками. Вот жена, еще недавно ухаживавшая за мужем, свалилась, подкошенная болезнью, в кровать, к метавшемуся в бреду мужу. Рядом в полутемной клетушке на полу лежит семья наборщика, который в бреду поминутно вскакивал и отмахивался от преследующего его кошмара.

На ящике — девочка семи лет тяжело дышит, свесив ручки на пол. У тощей груди полуживой женщины годовалый ребенок играет солдатской пуговицей. Он один среди этих полуживых людей сохранил улыбку. Эти 17 человек еще 3 месяца тому назад бросали свинцовые буквы в гранки, которые гордо будили Россию к восстанию против большевиков и призывали к новой, свободной жизни. А теперь они лежали бессильные, брошенные не только посторонними людьми, но и своими руководителями.

(Окончание вледует.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Юденич Н. Н. (1862—1933) — генерал от инфантерии. В октябре 1918 г. эмигрировал в Финляндию, в январе 1919 г. прибыл в Эстонию, 10 июня адмиралом А. В. Колчаком назначен главнокомандующим Северо-Западной армией, с августа — военный министр Северо-Западного правительства. В октябре—ноябре 1919 г. возглавил поход на Петроград, после неудачи которого был вынужден отступить с войсками в Эстонию, откуда эмигрировал в 1920 г.

² Ливенцы — добровольческий отряд под командованием ротмистра светлейшего князя Ливена, сформированный из находившихся на занятой германскими войсками территории Прибалтики солдат и офицеров Русской армии. Отряд первоначально состоял из эскадрона в 100 сабель, пулеметной команды в 125 человек и пехотной роты в 250 человек, имел 8 пулеметов и 2 орудия, в дальнейшем пополнялся за счет русских военнопленных из Германии. 18 июня 1919 г. отряд (корпус) Ливена был вызван Юденичем на Северо-Западный фронт.

³ В энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (М., 1983) приводятся следующие данные относительно вооруженности Северо-Западной армии: к началу октября 1919 г. она имела 17.800 винтовок, 500 пулеметов, 57 орудий, 4 бронепоезда, 6 танков, 6 самолетов.

⁴ Глазенап П. В. — генерал-майор, командующий Северо-Западной армией 28 ноября 1919 г.— 20 января 1920 г., во время наступления на Петроград был назначен генерал-губернатором города.

⁵ «Авантюра Бермондта» — военный конфликт, произошедший 7 октября — 1 декабря 1919 г. между войсками временного правительства Латвийской республики и «Западной русско-немецкой Добровольческой армией» под командованием П. Р. Бермондт-Авалова и графа Р. фон-дер-Гольца. Конечной целью последних была ликвидация проантантовского правительства К. Ульманиса и замена его правительством германской ориентации. Русско-немецкие части предприняли успешное наступление на Ригу и 10 октября заняли ее предместье Торенсберг. Однако блокада армии, которую установили англо-французские военные морские и сухопутные силы, вынудили русско-немецкие части прекратить наступление и начать эвакуацию в Германию.

⁶ Поска Ян (Иван) — заместитель премьер-министра и министр иностранных дел Эстонской республики в правительствах К. Пятса и О. Штрандманна в 1918—1920 гг.

⁷ Иоффе А. А. (1883—1927) — советский дипломат. В 1919—1920 гг. — член Совета обороны и нарком госконтроля УССР. В 1925—1927 гг. — активный троцкист. Покончил жизнь самоубийством. Руководимая А. А. Иоффе делегация РСФСР пошла на значительные уступки Эстонии.

⁸ Как утверждал Г. Кирдцов, в лазаретах находилось около 14.000 тифозных солдат и офицеров Северо-Западной армии.

⁹ Лайдонер Йохан (Иван Яковлевич) (1884—1953) — главнокомандующий вооруженными силами Эстонской республики. В декабре 1917 г.— феврале 1918 г.— командир Эстонской дивизии, формировавшейся на территории РСФСР. В декабре 1918 г. вернулся в Эстонию. В 1940 г., после присоединения Эстонии к СССР, репрессирован.

¹⁰ Родзянко А. П. — генерал-майор, командующий Северо-Западной армией 19 июня — 2 октября 1919 г.

Публикация подготовлена В. Ю. ВОЛКОВЫМ.

XVIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ВИЗАНТИНИСТОВ

Москва, 8—15 августа 1991 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ
ВИЗАНТИНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ
XVIII МЕЖДУНАРОДНОГО
КОНГРЕССА ВИЗАНТИНИСТОВ
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ИСТОРИКОВ СССР
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА
СОВМЕСТНОЕ СОВЕТСКО-ФИНСКОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ «ПОИНТ»
МЕЖДУНАРОДНАЯ КОМПАНИЯ «ТАРТАЛЬЯ»

Организационный комитет:

Почетный президент — академик Д. С. Лихачев; председатель — чл.-корр. АН СССР Г. Г. Литаврин; заместители председателя — докт. ист. наук С. П. Карпов и И. П. Медведев; генеральный секретарь М. В. Бибииков.

Члены орг. комитета: ректор МГУ, академик А. А. Логунов; директор Института истории, чл.-корр. А. П. Новосельцев; директор Института всеобщей истории А. О. Чубарьян; академики Г. М. Бонград-Левин, В. А. Виноградов, Г. А. Аветисян, Р. М. Бартикян, Т. В. Гамкрелидзе, М. С. Капица; докт. искусствоведения А. И. Комеч и Г. Л. Курбатов; митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (К. Нечаев), архимандрит Иннокентий (А. И. Просвирнин); акад. Б. А. Рыбаков, чл.-корр. В. А. Шишкин, чл.-корр. Я. Н. Шапов и другие.

К конгрессу было приурочено открытие следующих выставок: «Иконы» (Третьяковская галерея); «Поствизантийская икона» (Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина); «Коптское искусство» (там же); «Византийские и древнеславянские рукописи» (Третьяковская галерея); «Материалы из новейших раскопок в Херсонесе» (МГУ); «Византийская книга и издания Византийского искусства» (Исторический музей); «Византийские рукописи» (Государственная Публичная библиотека); «Византийская икона» (Русский музей); «Прикладное искусство Византии» (Эрмитаж).

В августе этого года состоялся восемнадцатый Международный конгресс византинистов, впервые проходивший в нашей стране. В нем принимали участие ученые из Англии, США, Греции, Италии, Германии, Ватикана, Болгарии, Норвегии, Франции, Нидерландов, Канады, Турции, Румынии, Венгрии, Швеции, ЧСФР, Австрии, Израиля, Кипра, Польши.

Каждый такой конгресс является значительным событием для историков, этнографов, искусствоведов, археологов. Достаточно ознакомиться с официальной программой, включающей кроме пленарных докладов массу ознакомительных экскурсий (в частности, в Загорск, Переяславль Залесский, Новый Иерусалим), чтобы почувствовать напряженную атмосферу работы конгресса. Конечно, эта работа не могла бы быть эффективной, если бы не была тщательно подготовлена оргкомитетом, в котором работали такие крупные ученые-византинисты, как академик Д. С. Лихачев, член-корр. АН СССР Г. Г. Литаврин и др.

Круг обсуждавшихся проблем был тесно связан с сегодняшним днем, и в первую очередь это касается охраны памятников древнерусской культуры.

О конгрессе и его результатах рассказывает доктор искусствоведения, заведующий сектором древнерусского искусства ВНИИ искусствознаний Министерства культуры СССР, начальник отдела охраны и реставрации памятников Министерства культуры СССР А. И. Комен:

— Результаты всех конгрессов всегда похожи друг на друга, потому что конгресс — это не что-то заключительное в движении науки, а очередной способ собраться всем профессионалам, обменяться результатами работ и договориться о будущем взаимодействии, новых объектах исследования. Этот конгресс ничем не отличается от всех предыдущих. В нем очень много участников, число их постоянно растет, оно уже превысило тысячу человек. Естественно, что это и большой плюс, но и большой минус, потому что заседания и работа в секциях идут параллельно, и участники конгресса не имеют возможности даже просто послушать все доклады, которые их интересуют.

И все-таки конгресс — это замечательное место общения, место, где специалисты в одной близкой области могут узнать о новых памятниках, о новых исследованиях в тех сферах, которыми они тоже занимаются, познакомиться с новыми специалистами, людьми, пришедшими в науку либо из смежных областей, либо выросшими как ученики более старших коллег. Завязываются новые связи, взаимодействие между странами и школами.

Очень представительные делегации приехали из Греции, из Сербии, из Соединенных Штатов. Особенность этого конгресса прежде всего в том, что он проходит в Москве. Это не только очень почетно, но и в большой мере очень содержательно: ведь, как известно, русское искусство во многом является частью и наследником Византийской культуры. Конечно, прямой наследник Византии — это Греция, ее памятники, ее культура. Но на-

до сказать, что несмотря на языковые различия, на смену этносов во многих странах мира византийское наследие может считаться как бы внутренним основанием их культур,

Оргкомитет конгресса, Академия наук и Министерство культуры сделали прекрасные подарки участникам форума: это и научные издания, вышедшие в канун конгресса, и замечательные выставки, открывшиеся в музеях Москвы и Ленинграда, и интересные поездки, которые будут организованы по старым русским городам, по городам Украины для участников конгресса по завершении его работы.

Из бесед с нашими зарубежными коллегами мне стало ясно, что все очень довольны возможностью увидеть замечательные художественные и исторические памятники нашей страны. А с другой стороны, для нас, устроителей, это удобный случай продемонстрировать мировую значимость истории Византии, ее культуры. И если во всем мире это давно не вызывает никаких сомнений, то у нас эта область науки, ключевая для культуры России, кавказских народов, Украины и Беларуси, развивается совершенно недостаточно. Правда, уже десятилетия существует сектор истории Византии, который специально занимается проблемами тысячелетнего государства. Но специально искусством Византии не занимаются у нас нигде. Это делается с изучением истории грузинского, армянского, украинского, русского искусств. Но до сих пор у нас нет нигде ячейки даже из двух-трех человек, занимающейся искусством Византии.

Это очень печально, потому что Византия — единственное настоящее основание для истории древнерусского искусства. А ведь еще 50 лет назад наша школа, созданная трудами дореволюционных ученых — результат почти столетнего развития отечественной науки, — была одной из ведущих в мире в области истории искусства. У нас и сейчас есть прекрасные специалисты, но у нас нет организационного центра, и пока все попытки добиться создания такого центра — в рамках Академии наук или Министерства культуры СССР, которое имеет в своем составе Институт искусствознания, — кончались неудачей. Хотелось бы надеяться, что конгресс и здесь изменит ситуацию, и мы сможем возродить научную школу, основы которой были заложены трудами учеников Д. В. Айналова, работами Н. И. Брунова, В. Н. Лазарева, М. В. Алпатова. Их уже нет. И сегодня наш долг вернуть отечественной науке в этой области былой престиж и мировое признание. Пожалуй, единственная область, которая расцвела в советский период, — это архитектурная археология: традиции школы П. А. Раппопорта. И до революции были прекрасные архитектурные исследования, но общий уровень развития архитектурной археологии определяли в 30—50-е годы работы Н. Н. Воронина, Б. А. Рыбакова, М. К. Каргера, а в последние десятилетия — Павла Александровича Раппопорта. Он действительно сделал необыкновенно много для изучения истории древнерусского зодчества. Сегодня нам известны около двухсот памятников древнерусской архитектуры, из которых ед-

ва ли четверть сохранилась в том или ином объемном виде. Все остальное дала нам археология. Только благодаря раскопкам и найденным в них свидетельствам, датам и остаткам мы можем прочитать более или менее связно историю нашей архитектуры конца X—XIII веков. Без нее мы были бы бессильны и прогресса науки у нас не существовало бы.

К сожалению, со смертью Павла Александровича Раппопорта созданная им школа потеряла не только ученого-лидера. Она потеряла организационную определенность, которую усилиями Павла Александровича она имела в системе Института археологии. Сейчас с прекрасной инициативой выступает один из учеников Павла Александровича — Олег Михайлович Иоаннисян¹. Он поднял вопрос об организации специального отдела по архитектурной археологии при Государственном Эрмитаже. Было

¹ Известный специалист в области древнерусской архитектуры, старший научный сотрудник Эрмитажа, кандидат исторических наук О. М. Иоаннисян руководит единственной в своем роде архитектурно-археологической экспедицией. Ее цель — изучение любых строительных остатков на территории Древней Руси. До 1988 года экспедицией руководил выдающийся исследователь древнерусского зодчества П. А. Раппопорт, а после его смерти — О. М. Иоаннисян. Отряды экспедиции работали в Смоленске, Полоцке, Витебске, на Волыни, в Гатчине, на новгородской земле, в Ярославле, Гродно, Чернигове... За годы исследований были открыты и изучены многие интересные памятники, но самая замечательная находка дождалась Иоаннисяна в Ростове...

Летом 1986 года археологи обнаружили превосходно сохранившийся памятник — древнюю ростовскую церковь Бориса и Глеба, известную по Лаврентьевской летописи. (Ее строительство было начато в 1214 году при князе Константине Всеволодовиче.) Хотя церковь стояла на холме, она по неизвестным причинам оказалась все же засыпанной землей и потому сохранилась почти на всю свою высоту, от фундамента до начала сводов.

Однако удивительным было не только это. Находка древней церкви обернулась трижды сенсацией! В XVIII веке был построен новый храм точно на стенах прежнего. Обе церкви были как бы поставлены друг на друга кубиками. Археологическая практика не знала подобной находки. Но оказалось, что и это еще не самое важное. Найденная церковь оказалась совсем не той, которая упоминается в Лаврентьевской летописи. Техника строительства не имеет ничего общего с той, что применялась в начале XIII века. Найденная церковь относится к 1287 году. И что самое удивительное: построена она была из остатков, буквально собрана из кусочков разрушенной монголами церкви 1214 года, т. е. является одним из первых, наряду с Успенским собором Московского Кремля, памятников послемонгольского времени. Когда предположения ученых перешли в уверенность, стало возможным смело говорить о крупнейшем в СССР археологическом открытии последних лет, которое заставит пересмотреть многие представления об экономике и культуре послемонгольской Руси!

Однако, к сожалению, судьба открытия оказалась драматичной. Продолжение исследований потребовало решения сложных инженерно-реставрационных мероприятий, которые до сих пор так и не были проведены. И в этом году экспедиция была вынуждена прервать исследовательские работы, засыпать раскопы и уйти из этого памятника...

бы замечательно, если бы дирекция Эрмитажа осуществила выражаемую на словах поддержку этому начинанию и создала такой отдел. Поскольку я работаю в Министерстве культуры СССР в отделе охраны памятников, то знаю, что Министерство культуры СССР положительно относится к созданию такого отдела, считает это чрезвычайно необходимым, и мы надеемся, что Эрмитаж, при всех финансовых и организационных трудностях сегодняшней жизни, найдет возможность стать центром отечественных исследований в этой важнейшей области.

* * *

Интервью с некоторыми из участников конгресса.

Корр.:

— Прежде всего я бы попросил вас рассказать о конгрессе, а также о сотрудничестве с ленинградскими коллегами.

Ивакин Г. Ю., старший научный сотрудник Института археологии АН Украины:

— О конгрессе трудно рассказывать, потому что он еще не закончился. Мы встречаемся со многими коллегами, только и успеваем бегать из одной секции в другую и слушать доклады...

Сейчас, в наше время, конгресс такого масштаба провести нелегко, отсюда и издержки, но, надеемся, в следующий раз будет лучше.

Харламов В. А., старший научный сотрудник Института археологии АН Украины:

— Приятно, что такой конгресс проходит у нас, в Москве. Все-таки нам удалось собрать ведущих специалистов... Очень много интересных докладов, хороших тем.

Ивакин Г. Ю.:

— Главное всегда происходит в кулуарах: обмен информацией, которую невозможно изложить в кратком докладе. После окончания конгресса его участники посетят Ленинград, Киев, проедут по Крыму, где, естественно, будут продолжены беседы, показы конкретных раскопок, памятников.

Корр.:

— Хотелось бы, чтобы вы подробнее рассказали о вашем сотрудничестве именно с ленинградцами.

Ивакин Г. Ю.:

— Не могу сказать, что на наше сотрудничество с ленинградцами как-то повлияет этот конгресс, поскольку оно давно стало традиционным. У нас очень крепкие, как мы говорим, вертикальные связи по линии «север — юг»: Киев, Минск и Ленинград. И с Государственным Эрмитажем, и с Ленинградским университетом, и с Ленинградским отделением Института археологии мы поддерживаем самые тесные связи — по проблемам славянской археологии, и особенно в области археологии, которая занимается исследованием древнерусских памятников архитектуры. Об этом может более подробно рассказать Виктор Александрович Харламов.

Корр.:

— Виктор Александрович, было бы очень интересно, если бы вы рассказали именно о вашем сотрудничестве в области архитектурной археологии.

Харламов В. А.:

— Круг интересов с ленинградскими коллегами у нас в принципе один: и хронологические рамки, и сфера материальных памятников (территория Киевской Руси). В первую очередь изучаются столицы: Киев, Чернигов, Переяславль Залесский, Новгород, Старая Ладога. Интересно отметить, что более чем за 150-летний период отечественной археологии многие памятники архитектуры, казалось бы, должны были быть исследованы. Но исследование самых последних лет, в частности в Киеве, на Подоле, о которых может больше рассказать Глеб Юрьевич Ивакин, преподносят нам все новые сюрпризы. Обнаружены не только отдельные материальные небольшие находки, но и большие монументальные постройки. Так, у нас в Лавре недавно найдена древнерусская трапезная, которая упоминается в летописях под 1106 годом. Оказалось, что она лежит непосредственно под асфальтом. И таких памятников очень много не только в Киеве, но и в других центрах. Так что архитектурно-археологическое направление — особое. Оно позволяет вскрыть структуру города, его духовную направленность, всю философию градостроительства, поскольку доминантой градостроительной структуры всегда был храм. Храмы помогают назвать улицу, дают возможность определить направления основных магистралей. К храмам всегда шли центральные дороги от укреплений города. Поэтому изучение монументальных построек — это всегда ключ к разгадке и многих градостроительных особенностей. Но каждый город развивается, у него есть свои эволюционные периоды, и вся эта трансформация городской структуры исследуется как раз археологами.

Корр.:

— Вы очень убедительно рассказали о том, что сотрудничество необходимо. Я вас правильно понял?

Харламов В. А.:

— Сотрудничество просто необходимо. Целое нельзя изучать в отдельности. Иначе, разбирая какие-то отдельные нюансы, мы никогда не воссоздадим целого образа. Например, изучая летописный рассказ об убиении Игоря в Киеве в 1145 году, невозможно восстановить всю ситуацию в деталях, не зная топографического описания города...

Иоаннисян О. М.:

— ... А Киев, в свою очередь, нельзя оторвать от Новгорода. Новгород — от Киева...

Харламов В. А.:

— Да к тому же киевские постройки зачастую являлись образцами для строительства многих построек и храмов на русских землях. Взять тот же Успенский собор.

Иоаннисян О. М.:

— Одни и те же мастера участвовали.

Харламов В. А.:

— Градостроительные артели мигрировали, часто эти артели были собственностью князя, и при переезде князь брал с собой целую артель, которая и выполняла княжеский заказ. Это тоже очень важный аспект. И по почерку, по манере исполнения, по чисто эстетическим элементам мы узнаем, какая артель работала и чей заказ она выполняла. Интересно наблюдать и смену стилей в связи с каким-то мировым изменением стиля. Здесь и романское искусство, и элементы готики. Русь шла в ногу со всей европейской историей, и все то, что происходило в центральной Европе, отражалось и на архитектуре Руси. Вот эти нюансы и исследует архитектурная археология, находящаяся на стыке архитектуры, истории и археологии. Не может кабинетный историк изучать памятник, который не раскопан. Для этого надо взять лопату и откопать. А для того чтобы его откопать, нужны определенные навыки, нужно ставить перед собой задачи архитектурного плана.

Ивакин Г. Ю.:

— Что я еще хотел бы отметить: с ленинградскими исследователями мы умеем хорошо... ругаться, т. е. спор не переходит обычно на личности.

Харламов В. А.:

— Да, при традиционной старой дружбе.

Иоаннисян О. М.:

— Иногда бывает нужно вдруг срочно связаться с киевлянами и вызвать их в экспедицию. Тогда они просто садятся в машину и едут, такое уже не раз бывало.

Ивакин Г. Ю.:

— А ленинградские исследователи, в свою очередь, работают на территории Украины.

Корр.:

— В стране существует явная тенденция к разъединению. Не получится ли, что ученые окажутся в вакууме, не смогут проводить свои работы ленинградцы, скажем, на территории Украины, украинцы — на территории Ленинградской области?

Ивакин Г. Ю.:

— Археологи как-то традиционно подходили ко многим идеологическим вопросам более-менее спокойно. Я помню, мы встречались с представителями капстран и всегда говорили спокойно на самые скользкие политические темы. Я думаю, что здесь будет продолжаться так же. Исследователям ленинградцев на территории Украины, насколько я понимаю, больше мешал в свое время Романов, «указавший»: копать только на северо-западе, а дальше не соваться, это не ваше ленинградское дело. Сейчас на Украине выдаются открытые листы и ленинградским исследователям.

Сложность в другом. Дело в том, что материалы, раскопанные на территории Украины, являются национальной принадлежностью республики и должны оставаться там. Однако по этому

вопросу существуют и другие мнения: например, национальное богатство Украины при определенном договоре может ведь храниться и в Эрмитаже. При нормальных взаимоотношениях вполне можно эти вопросы решить, на время предоставляя те или иные материалы для изучения в другие республики. Однако уже возникли проблемы, как, например, с фресками или мозаиками из Михайловского Златоверхого монастыря¹, взорванного в 1935 году, которые хранятся в Русском музее... Или частично в Эрмитаже?..

Иоаннисян О. М.:

— Они разбросаны по очень многим музеям.

Ивакин Г. Ю.:

— Или, например, как поступать с золотом степей Украины, которое составляет основу золотой коллекции Эрмитажа? Скорее всего, будет поставлен вопрос о его возврате... Эти вопросы будут возникать постоянно. Я надеюсь, что они решатся цивилизованно и обдуманно, потому что естественно, если вещи, сделанные на территории Украины, представлены и в других регионах — в Ленинграде, Нью-Йорке, Токио и т. д. И в то же время на Украине должны быть материалы других регионов, но так, чтобы они не наносили вреда национальному богатству каждой республики, страны и т. д.

Корр.:

— Олег Михайлович, хотелось бы услышать ваше мнение по этому поводу.

Иоаннисян О. М.:

— Что касается памятников древнерусской архитектуры, то здесь такая проблема вряд ли может возникнуть, потому что фундамент храма никто никуда не возьмет и не увезет, он в любом случае останется на месте. Вопрос в том, чтобы иметь возможность его исследовать. И вот здесь как раз очень важны совместные усилия, потому что нельзя изучать, допустим, архитектуру Новгорода в оторванности от архитектуры Киева, а архитектуру Киева без архитектуры Чернигова или Смоленска. Это все было взаимосвязано, мы об этом уже говорили. Все — единое историко-культурное явление. И когда мы сейчас говорим о территории Украины, например, или о территории России, то нельзя забывать, что понятие древнерусской культуры — оно едино. Тогда были какие-то региональные различия, но не национальные. Национальные стали складываться позднее. А культурный пласт с X до середины XIII века един для всей Руси. Так, например, Киевская София — это памятник культуры в равной степени и украинского, и русского, и белорусского народов.

Этот древнейший период, до монгольского нашествия, как раз и характеризуется единым культурным развитием древнерусской культуры. Потом уже из древнерусского государства

¹ Позднее в Киеве на месте взорванного монастыря было сооружено здание, в котором расположился ЦК ЛКСМУ.

возникает Россия, Украина, Белоруссия. И Новгородская София с таким же успехом — памятник как украинской культуры, так и русской.

Харламов В. А.:

— Я хотел бы добавить, Олег Михайлович, что в плане архитектурной археологии у нас сложилась школа. Нельзя говорить о школе чисто украинской, киевской, и чисто ленинградской. Дело в том, что до недавнего времени мы объединялись вокруг очень крупного специалиста, памяти которого посвящены специальные научные чтения, — Павла Александровича Раппопорта. Методика, разработанная Раппопортом, применяется с успехом его учениками и последователями. И вот это нас и объединяет. У нас нет каких-то чисто профессиональных различий. Мы делаем одно общее дело на разных памятниках. Работаем над древнерусской архитектурой в разных землях, но нам очень интересно послушать коллег, которые приехали из Ярославля или из Ростова, так же, как им, видимо, интересны материалы Переяславля, Чернигова, Киева.

Иоаннисян О. М.:

— Причем мы собираемся не только на конгрессах, конференциях или дружеских встречах. Мы как раз с Виктором Александровичем говорили, что очень важно нам свои усилия и «в поле» объединять. Не обязательно это должны быть памятники в Киеве, они могут быть и где-нибудь в других городах Древней Руси. Есть памятники, ключевые для истории древнерусской архитектуры, есть центры, взаимосвязанные между собой еще в древности, и было бы очень полезно объединять коллективы исследователей при изучении непосредственно этих памятников.

Харламов В. А.:

— Тем более, что на наших работах проходят практику студенты. Мы же готовим специалистов.

Ивакин Г. Ю.:

— К нам в Киев каждый год приезжают ленинградские студенты. Часто они и копают...

Я вот еще о чем подумал: наша дружба с ленинградцами базировалась всегда на том, что у нас были равноправные отношения. Ленинградцы, так же, как и мы, всегда получали лимитов меньше, чем москвичи.

Харламов В. А.:

— Братья по несчастью...

Ивакин Г. Ю.:

— Да. Известно, что валюта, например, всегда поступала в первую очередь в Москву. Это ограничивало наши поездки за границу. Поэтому встречи на конгрессе с иностранными коллегами для нас очень интересны.

Корр.:

— Скажите, пожалуйста, нет ли опасности, что архитектурно-археологическая традиция на вашем поколении, может быть, прекратится?

Ивакин Г. Ю.:

— Вы знаете, я думаю, это будет зависеть от «классности» не нашего, а следующего за нами поколения. Если они будут «замыкаться», то такая опасность реальна. Эгоист не может быть классным специалистом. Рано или поздно это заведет его в тупик. Известны случаи: ученый хорошо и много работает, потом вдруг входит в противоречие с целой группой и так или иначе — с интересами науки...

Харламов В. А.:

— Я хотел бы добавить. Дело в том, что археология — это не массовая профессия. В юности многих она привлекает, но затем остаются очень немногие. Однако нельзя сказать, что на нас (хоть мы и не такие уж старые!) все это замкнется. У нас есть ученики, молодые специалисты, аспиранты, которые нас со временем заменят. И багаж, накопленный нами, мы вручаем в молодые, но довольно уже натруженные профессиональные надежные руки. Например, у Олега Михайловича очень много архитекторов успешно работают. Архитектурная археология требует особого подхода. Нужно и умение работать с геодезическими инструментами, с фотоаппаратом и т. д.

Иоаннисян О. М.:

— Все дело в том, чтобы закреплять кадры, которые остаются. Это как раз самая сложная проблема. Пока нас объединял Павел Александрович, ее не существовало. А сегодня нам нужна какая-то новая организационная структура в области архитектурной археологии. И вторая проблема, очень важная — те, кто идет вслед за нами, должны иметь гарантии, что они выживут, останутся и будут работать.

Ивакин Г. Ю.:

— Должна быть хорошая финансовая и техническая база...

Иоаннисян О. М.:

— И организационно-структурная.

Ивакин Г. Ю.:

— Да. В основном в археологии работают фанаты. На этом все держится. Сейчас, когда резко меняются отношения к материальной стороне жизни, у нас остается гораздо меньше людей, чем было раньше.

Иоаннисян О. М.:

— У людей нет уверенности, что они пойдут по этой стезе, а потом смогут работать как профессионалы. Очень многие работают только в отпусках или будучи студентами.

Харламов В. А.:

— Все очень просто и грустно. Зарплаты не хватает, и многие подготовленные специалисты, прошедшие многолетнюю практику, просто отказываются от этой работы. Так мы теряем людей. Но это уже государственная проблема. К сожалению, это касается не только археологии. И если мы хотим поднимать материальную духовную культуру, то ее нужно решать незамедлительно.

С участниками конгресса беседовал А. БОЕВ

ВСАДНИК-ВОИН

Тайны и загадки, скрытые в сумраке минувшего, окутывают не только предысторию российского флага. В глубине веков теряются обстоятельства появления державных гербов России — всадника с копьем и знаменитого двуглавого орла.

Изображение всадника на княжеских печатях прослеживается уже в XIII веке, и можно с уверенностью говорить, что это еще домонгольская традиция. В XV веке вооруженный всадник присутствует на печатях едва ли не большинства русских князей. К слову сказать, всадник — властелин средневекового мира — есть и на многих королевских печатях Западной Европы. И пристрастие русских правителей к этому изображению — дань древнейшей общеевропейской традиции самоутверждения княжеских домов, ибо изображение всадника считалось изображением князя-правителя. Укреплению ее на Руси способствовало и то, что образ всадника прочно соединялся в общественном сознании русского общества с образом едва ли не наиболее почитаемого со времени крещения Руси святого Георгия-змееборца. А во времена позднего русского средневековья образ всадника, считавшийся в раннефеодальный период изображением князя-правителя, прочно и навсегда слился с образом Георгия, стал государственным символом. Он считался заступником человека, ограждающим его от сил зла, бесстрашным рыцарем, вступающим в борьбу с самой грозной и темной силой.

Силою исторических обстоятельств образ Георгия оказался прочно связан и с возвышавшейся столицей единого Русского государства — Москвой. Основатель ее Юрий Долгорукий почитал Георгия-воина как своего покровителя, воздвигал в его честь храмы и даже основал городок, названный именем святого. Традиция почитания Георгия в великокняжеском доме просуществовала долгие века. В конце XV столетия велением великого князя Ивана III образ воина-всадника утвердился на государственной российской печати. Иван III, прозванный современниками Великим, особо почитал Георгия-воина и потому повелел поставить на возвышении около Спасских ворот «всадника на коне из белого камня в большом виде». В XVI веке всадник-воин, поражающий дракона, уже по всей Европе почитался как российский державный герб и ученые мужи европейские не раз таковой в своих гербовных книгах рисовали.

И поехал на белом коне,
Да святой Егорий приезжаючи.
Да он строил церкву соборную,
Да писал он лик на образе.
Чудный образ.

Свет Егорий,

Свет Егорий,
Свет и Храбрый.

У его света во лбу солнце.
У его света в тылу месяц.
По косицам часты звезды.

Из былины о Святом Егории

ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ

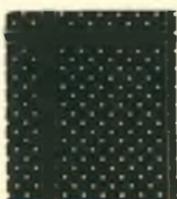
«Георгий Победоносец» — вторая пластинка ансамбля «Эпос». На одной из сторон диска записана рок-былина «Егорий». Популярный святой Георгий Победоносец (в фольклорном варианте Егорий Храбрый) побеждает змея и восстанавливает поруганные церкви и храмы. События, изложенные в древнем сюжете, перекликаются с возрождением христианской культуры в России в наше время.

В стилистике былины присутствуют светское и духовное начало, рок и фольклор.

С их объединением утверждается главный философский и творческий принцип-взгляд на мир как на целое.

Другая сторона пластинки подтверждает этот принцип. В инструментальной сюите как бы объединяются деревня и город, а в Диптихе о Степане Разине народное движение дается на фоне великого движения в природе — восхода солнца.

Обладая авторскими и коммерческими правами на музыку, ансамбль готов ответить на деловые предложения, которые можно направлять по адресу: 198334, Санкт-Петербург, ул. Добровольцев, дом 38, кв. 61. Тел. 135-11-70. Следину Александру Александровичу.

1.92

В следующем номере читайте:

Главу из нового романа
Кира Булычева

Сергей Андреев. Очень
короткие рассказы

Савелий Ямщиков
«Церковь и культура:
поиски согласия»